

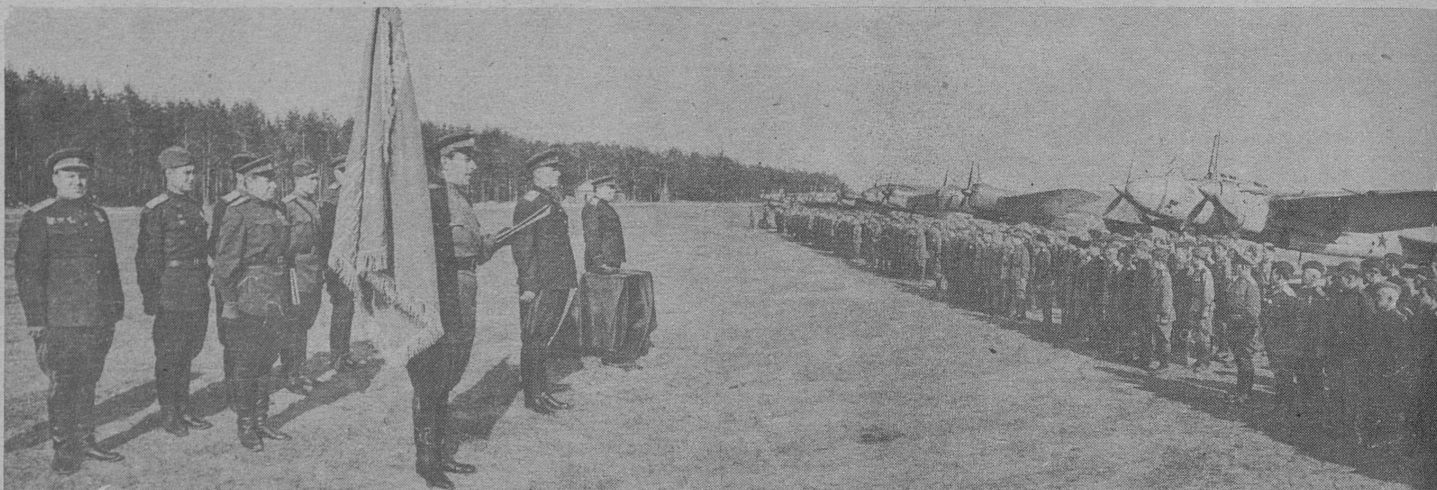
Огонёк

№ 20-21

1944 год

Фронт и тыл

↑ Вручение Красного знамени 3-й отдельной Краснознаменной дивизии связи Гражданского воздушного флота. У знамени — полковник С. Н. Шарыкин.

Командир танка младший лейтенант Кузьма Власов награждён двумя орденами Красного знамени и медалью «За отвагу». Он уничтожил 4 немецких танка, 8 орудий, 14 дзотов, 12 расчётов противотанковых ружей и истребил несколько сот гитлеровцев.

→
Моряки Черноморского флота — участники обороны Одессы и Севастополя (слева направо): старшие краснофлотцы В. А. Хохлов, Н. Ф. Сухоручкин, И. И. Батищев, С. К. Ропав и краснофлотец А. М. Макеев; награждены медалями «За оборону Одессы» и «За оборону Севастополя».

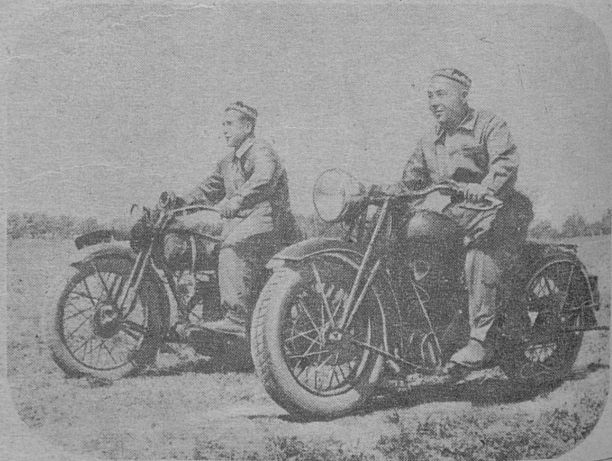

← В Москву приехала с фронта санинструктор старшина Мария Щербаченко, недавно получившая звание Героя Советского Союза. Мария Щербаченко посетила знаменитую производственницу Екатерину Барышникову. На снимке: Герой Советского Союза Мария Щербаченко и Екатерина Барышникова среди стахановок завода.

Карасуйской МТС (Узбекская ССР) за успешную работу присуждено переходящее Красное знамя ВЦСПС и Наркомзема СССР. На снимке: директор МТС Кучкар Мальяров и старший агроном Асам Мухитдинов объезжают тракторные бригады.

В ответ на первомайский приказ товарища Сталина коллектив завода самоходной артиллерии, где директором тов. Горшунов, обязался дать пушки сверх плана. На снимке: самоходные орудия, выпущенные сверх плана, отправляются на фронт.

На обложке: рисунок художника В. Климашина

ТРИ ГОДА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (военные и политические итоги)

Сегодня исполнилось три года со дня злодейского нападения разбойничьих немецко-фашистских банд на Советский Союз. Три года советский народ мужественно ведёт Отечественную войну против наглых захватчиков. Народы нашей страны с первых дней войны единодушно поднялись на защиту своего Отечества. Красная Армия в тяжёлых кровопролитных боях на фронте в три тысячи километров сдерживала многомиллионную, оснащённую новейшей военной техникой, немецко-фашистскую армию, наносила ей огромный урон в людях и вооружении. Военная фашистская машина, огнём и мечом прошедшая по городам и сёлам десяти европейских стран, в боях против нашей армии дала осечку.

Уже в первый год войны Красная Армия учинила немцам побоище под Москвой, разгромив отборные ударные вражеские войска. За последние полтора года, со времени разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом враг уже не смог оправиться. Советские войска, развернув наступление по всему фронту, взломали мощные оборонительные системы немцев под Сталинградом, Орлом, Смоленском, Ленинградом, на реке Мius, на Днепре, под Перекопом, Севастополем, на Карельском перешейке, на реке Свирь, форсировали крупные водные преграды—Дон, Северный Донец, Десну, Волхов, Днепр, Южный Буг, Днестр, Прут, Серет, Нарву, Свирь и показали тем самым, что все валы и крепости, о которых так много болтали гитлеровцы, не могут устоять, если за разрушение и преодоление этих валов и крепостей всерьёз берутся испытанные и закалённые в боях войска.

Умелой стратегией Верховного Главного командования, продуманной и решительной тактикой советских генералов и офицеров, героизмом и воинским мастерством своих воинов, наконец, своей могучей военной техникой Красная Армия нанесла ряд серьёзных поражений объединённым отборным армиям немцев, итальянцев, румын, венгров, финнов. Навсегда войдут в историю великие победы наших войск под Москвой, Сталинградом и на Кавказе, под Орлом и Смоленском, под Ленинградом и в Донбассе, на Днепре и в Крыму, в районах Правобережной Украины, Днестра и на Карельском перешейке.

За время наступательных боёв советские войска освободили около полутора миллионов квадратных километров оккупированной врагом территории, продвинулись на запад почти на 2.000 километров, вышли на большом протяжении фронта к нашим границам и вступили на территорию Румынии. Победы Красной Армии принесли освобождение от фашистской неволи миллионам советских людей. Наши войска лишили немцев источников промышленного сырья и продовольствия в оккупированных ими областях, а «жизненное простран-

Председатель Государственного Комитета Обороны, Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза товарищ И. В. Сталин.

ство» на востоке, о котором мечтали гитлеровцы, стало могилой миллионов немецких солдат, гигантским кладбищем фашистской военной техники.

Огромную помощь в борьбе против немецко-фашистских захватчиков оказали Красной Армии доблестные советские партизаны. В течение трёх лет войны они громили тылы и штабы врага, разрушали его коммуникации и связь, беспощадно истребляли немецко-фашистских мерзавцев.

Советские партизаны спасли много тысяч советских людей от истребления и угона их в фашистское рабство.

За три года войны немецко-фашистские войска в боях на советско-германском фронте потеряли более 7.800.000 солдат и офицеров убитыми и пленными, до 70.000 танков, 60.000 самолётов, более 90.000 орудий.

За это же время потери наших войск составили 5.300 тыс. человек убитыми, плен-

ными и пропавшими без вести, 49.000 танков, 30.128 самолётов, 48.000 орудий.

Успехам Красной Армии в значительной мере содействовали наши союзники, Соединённые Штаты Америки и Великобритания, которые снабжали нас весьма ценным стратегическим сырьём и вооружением, подвергали систематической бомбардировке военные объекты Германии и подрывали, таким образом, военную мощь последней.

Так, Красная Армия, сорвав в первый период Отечественной войны гитлеровские планы молниеносной войны, опрокинула и похоронила в последующий период оборонительную стратегию врага, его расчёты на закрепление захваченных советских территорий. Немецко-фашистская армия оказалась битой и стоит теперь перед полным разгромом.

Таков военный итог истекших трёх лет Отечественной войны.

Развязывая войну против Советского Союза, гитлеровские империалисты предполагали, что первые же военные неудачи Красной Армии подорвут доверие народных масс нашей страны к своей власти, посеют рознь между народами СССР, расшатывают союз рабочих, крестьян и интеллигенции, на котором основано советское государство. На деле же оказалось, что трудности военного времени лишь сплотили тружеников советского тыла, ещё крепче соединили их со своей народной советской властью. Дружба между народами Советского Союза в ходе Отечественной войны окрепла и закалилась, как сталь. Союз рабочих, крестьян и интеллигенции, основанный на жизненных интересах тружеников советского общества, ещё больше упрочился.

Немецкие изверги рассчитывали также на неспособность советской промышленности справиться с трудными задачами производства современного вооружения в массовых масштабах, на неспособность нашего транспорта справиться с военными перевозками, а сельского хозяйства — со снабжением армии и народа продовольствием и промышленным сырьём. Но эти планы немецких горе-завоевателей лопнули, как мыльный пузырь. В результате трёх лет войны оказалась истощённой не экономика Советского Союза, а экономика гитлеровской Германии. Поражения, понесённые немцами на советско-германском фронте, и удары союзной авиации подрывали военно-экономическую мощь Германии. В то же время промышленность, транспорт и сельское хозяйство советской страны успешно выдержали испытания войны. Советский народ не щадит своих сил во имя защиты Родины и воодушевлён решимостью грудью отстоять созданное им советское государство от всех посягательств врага. Отечественной война вызвала небывалый патриотический подъём народов, неиссякаемую творческую энергию народных масс, направленную на поддержку Красной Армии. Ныне, на пороге четвёртого года войны, Советский Союз обладает могучим военным хозяйством, которое удовлетворяет потребности Красной Армии в вооружении, боеприпасах, продовольствии и снаряжении. Советские рабочие, колхозники, интеллигенция, поставив на службу фронта народное хозяйство Советского Союза, обеспечили Красную Армию всем необходимым для победы. Былое превосходство врага в количестве танков и авиации осталось позади, а экономические

возможности Советского Союза растут изо дня в день.

Так, советский народ опрокинул все расчёты врага на непрочность советского строя. Советское государство, основанное на нерушимом братском содружестве народов, в ходе войны окрепло и упрочилось, а фашистское государство, основанное на угнетении народов, не выдержало испытаний войны и стоит перед неминуемой катастрофой.

Таков политический итог истекших трёх лет Отечественной войны.

Три года назад гитлеровцы считали себя повелителями Европы. Порабощая страны Западной Европы, Германия вовлекла в разбойничий союз Италию, Румынию, Финляндию, Венгрию, Болгарию. Насаждая и поддерживая свою агентуру в нейтральных государствах, она оказывала на них сильное давление и добилась серьёзных уступок с их стороны в свою пользу. Гитлеровская Германия угрожала жизни и безопасности всех народов мира. Свободолюбивые народы тогда лишь начинали объединяться в единый антигитлеровский лагерь. Фактически наша страна одна выдерживала натиск всех сил гитлеровской Германии и её сообщников.

Теперь положение в корне изменилось. Ныне не гитлеровская Германия наступает и одерживает успехи, как то было три года назад, а, наоборот, вооружённые силы союзных государств всюду бьют и теснят немецко-фашистских захватчиков. Союзные государства превосходят врага в количестве и качестве войск и вооружения. Единство союзных государств ныне прочно, как никогда. Союзные государства имеют согласованные планы полного разгрома вооружённых сил гитлеровской Германии. Блестяще осуществлённое вторжение британских и американских войск в Северную Францию, успешное наступление союзных войск в Италии означает, что отныне Германии придётся воевать на территории Европы как против Красной Армии, так и против войск наших союзников — Англии и США. Теперь, когда общие усилия Красной Армии и армий наших союзников направлены непосредственно на освобождение порабождённых немцами стран, когда войска объединённых наций железной рукой берут за горло гитлеровскую Германию и её вассалов в Европе, гитлеровская банда уже никакими мерами не может предотвратить своё неминуемое и полное поражение. Теперь всем ясно, что гитлеровцы, замышлявшие покорить весь мир, взялись за непосильную задачу. Положение гитлеровской клики напоминает судьбу той лягушки из басни Крылова, которая затеяла в дорожке с волом соревноваться, начала пыхтеть и надуваться, но с натуги лопнула и околела.

Разбойничий фашистский блок разваливается. Фашистская Германия в результате тяжёлых военных поражений очутилась на краю гибели. Италия, бывшая союзница Германии, ныне ведёт борьбу против немецких империалистов. Преступная правящая клика Финляндии, отвергнув в угоду Гитлеру великодушные мирные предложения Советского Союза, фактически уже привела Финляндию к военной катастрофе. Другие вассалы Гитлера — Румыния, Венгрия, Болгария висят над пропастью. Сообщники фашистской Германии в Европе имели достаточно времени и все необходимые условия, чтобы порвать с Германией и изгнать свои страны от разорения и

опустошительной войны. Однако сообщники гитлеровцев слишком прочно срослись с разбойничьей гитлеровской шайкой и не заботятся о судьбах своих народов. Финские, румынские, венгерские, болгарские холопы Гитлера предпочитают действовать в ущерб интересам народов своих стран и в угоду фашистской Германии. Гитлеровские холопы довели дело до того, что их страны оккупированы немецкими войсками. Стремясь оттянуть перенесение войны на территорию Германии, гитлеровцы превратили Финляндию, Венгрию, Румынию, Болгарию в передполье обороны Германии. Однако народы этих стран, правители которых продались гитлеровцам, имеют теперь возможность при поддержке вооружённых сил союзных государств изгнать немецких оккупантов и их приспешников из своих стран. Только таким путём народы подвассальных Гитлеру стран могут завоевать себе право на свободу.

Хозяйничание гитлеровцев в Европе воочию показало, что фашисты являются душителями свободы и независимости народов. В то же время армии объединённых наций идут в Европу как избавители народов от гитлеровской тирании и вступают на земли угнетённых фашистами стран с целью восстановления свободы и независимости народов. Именно поэтому порабождённые немцами народы оказывают теперь и будут впредь оказывать всё возрастающую поддержку вооружённым силам объединённых наций.

Так, в ходе войны полностью провалились все внешнеполитические расчёты и планы гитлеровских захватчиков-империалистов, гитлеровский разбойничий блок обанкротился, а союз свобододолюбивых народов вырос в несокрушимую силу и имеет теперь все возможности разрушить разбойничье гнездо фашистских агрессоров в Европе, покарать виновников страданий и бедствия народов, пресечь возможность повторения захватнических войн.

Таков внешнеполитический итог трёх лет войны.

Военные и политические итоги трёх лет войны со всей очевидностью говорят о том, что гитлеровская Германия уже проиграла войну и близится час её полного разгрома. Армии СССР, Великобритании и США со всех сторон штурмом пробивают себе путь к важнейшим жизненным центрам фашистской Германии, и не за горами время, когда будет возведено о торжестве этих усилий. Война теперь идёт к концу. Но оставшаяся часть пути к полной победе будет нелёгкой. Война вступила в самую ожесточённую, решающую и наиболее трудную фазу. Подбитый и затравленный фашистский зверь будет яростно огрызаться. Чем ближе фронт придвигается к жизненным центрам Германии, тем упорнее будет сопротивление гитлеровцев. Потребуется ещё несколько могучих ударов, чтобы окончательно сокрушить и повергнуть врага в прах.

Понятно, что выполнить эти задачи можно лишь совместными решительными действиями армий всех союзных стран, своевременным введением в активные бои против гитлеровской Германии и её вассалов основных вооружённых сил, которыми располагают объединённые нации.

Можно не сомневаться, что союзные государства, поставившие целью спасти мир от фашистских погромщиков, введут в действие все свои силы для достижения этой великой цели.

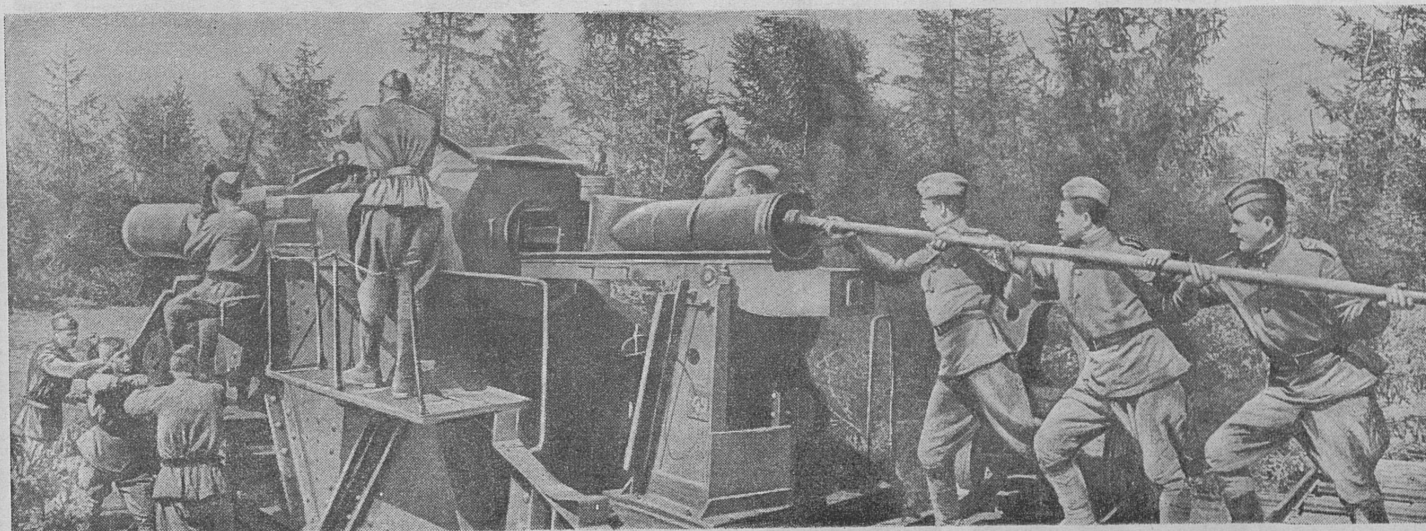
СОВИНФОРМБЮРО

РАЗГРОМ ФИНСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

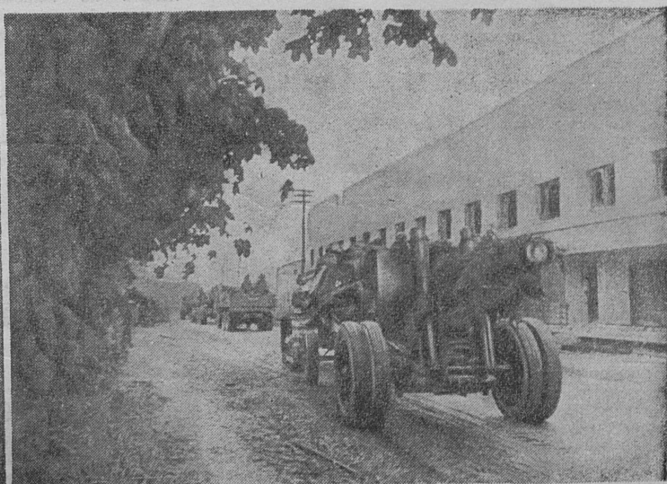
10 июня войска Ленинградского фронта перешли в наступление на Карельском перешейке. За одиннадцать дней доблестная Красная Армия прорвала три сильнейших оборонительных линии финнов, в том числе и линию Маннергейма. 20 июня наши войска штурмом овладели городом и крепостью Выборг. Красная Армия одержала новую блестящую победу.

Мощный железобетонный финский дот, разрушенный советской артиллерией и авиацией в районе прорыва.

Артиллерийский расчёт младшего сержанта Ф. Я. Грека ведёт огонь из орудий большой мощности по укреплениям врага.

Финские траншеи, захваченные нашими войсками (слева). Наши орудия на улицах освобождённого города Терийоки

Фото Р. Мазелева и В. Тарасевича (ТАСС)

Герой Советского Союза Мефодий Леонтьевич Шевченко начал войну старшим лейтенантом. Теперь он подполковник, командир крупного артиллерийского соединения.

ТРИ ГОДА В БОЯХ

Репортаж специального корреспондента
«Огонька» Б. Цейтлина

Артиллерийское соединение, которым командует Герой Советского Союза подполковник М. Л. Шевченко, начало свой боевой путь в первые дни Великой отечественной войны. Артиллеристы нещадно громили немецкие войска на подступах к Москве и за три года прошли с боями тысячи километров. Огромное количество немецких танков, огневых точек, дотов и блиндажей уничтожено огнём соединения подполковника Шевченко. Большую помощь артиллеристам оказывает отдельный разведывательный дивизион, который определяет координаты для стрельбы по невидимым целям. Безупречная работа звуко-разведчиков даёт блестящие результаты — артиллеристы бьют врага без промаха.

В двух—трёх километрах от переднего края, в непосредственной близости от вражеских позиций, устанавливаются в блиндажах звукоприёмники, соединённые проводами с центральной станцией. Эти звукопосты засекают колебания воздуха от выстрелов вражеской артиллерии.

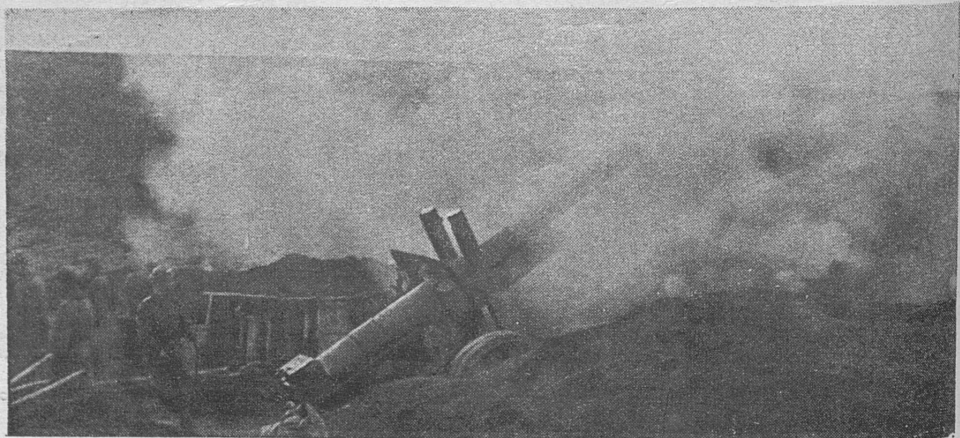
На центральной станции специальный аппарат автоматически записывает на бумажную ленту колебания воздуха. На снимке слева: офицеры звуковой разведки рассматривают ленту только что полученной звукозаписи. Через десять минут, произведя сложные вычисления, звуко-разведчики передают артиллерийской части точные данные о месторасположении вражеской батареи. Координаты для стрельбы определены. Артиллеристы обсуждают план огневого налёта на немецкие позиции (снимок справа).

Орудия к бою готовы. Расчёты — на своих местах. Номер седьмой орудия — бывалый солдат И. Емельянов (снимок слева) и лучший наводчик батареи младший сержант И. Зорин (снимок справа).

Раздалась команда «Огонь!» Загрохотали орудия. На немецкие позиции обрушились снаряды наших артиллеристов.

Командование не раз отмечало отличную работу артиллерийского соединения подполковника Шевченко. Недавно подполковником Шевченко получено письмо от командующего артиллерией фронта, в котором сказано: «Ваш полк дрался хорошо. Продолжайте и в дальнейшем так же умело бить врага, чтобы приблизить момент окончательного его разгрома...»

Мы должны были идти в поход к румынским берегам. Рано утром я высидел на базе подплава и перешёл впервые в жизни на борт подводной лодки.

В первые же два часа моего пребывания на подводной лодке выяснилось, что у подводников есть своя система ознакомления вновь прибывшего с устройством лодки. Хотя это была большая лодка, типа «А», но с непривычки всё там казалось мне очень тесным. Бесконечное количество приборов, труб, рулей, горизонтальных и вертикальных, каких-то медных шлангов, кнопок, рычагов, колёс, наконец, узкие люки, ведущие из отсека в отсек, — всё это делало лодку почти непроходимой внутри. Система моего знакомства с ней заключалась в следующем простом способе: когда я ударялся обо что-нибудь головой, плечом, носом, ногой или какой-нибудь иной частью тела, то ближайший подводник сдержанно и деликатно, с невозмутимым лицом говорил: «А вот это, товарищ Симонов, вертикальный руль глубины» — или: «Это, как вы видите, переборка». А когда я, не заметив того, что люк открыт, шагнул и провалился вниз, в аккумуляторное отделение, то старший помощник Стрельницкий, вообще говоря любезнейший человек, сначала наклонился и сказал мне: «Вот это — аккумуляторное отделение» — и уже потом дал руку, чтобы я мог вылезти из этого, отныне мне хорошо известного отделения.

Сейчас я пробую вспомнить ощущения, связанные у меня тогда с лодкой. Я пошёл на лодку, потому что мне было интересно; но, когда я попал туда, то у меня уже было отчётливое желание, чтобы всё это поскорее кончилось, то есть мне хотелось пройти через всё, что полагается в таких случаях, пережить то, что переживают люди, и непременно остаться в живых; но хотелось, чтобы это положенное время прошло как можно скорее. Специфического страха, того, который у нас в юности воспитывает по отношению к подводникам литература, у меня не было. Мне не казалось, что как-то особенно страшно погибнуть, задохнувшись в подводной лодке. Самой страшной мне всегда казалась смерть пехотинца на поле боя, и особенно остро это чувство стра-

ИЗ ДНЕВНИКА

Константин Симонов

ха я испытал потом, гораздо позднее, в феврале и в марте — во время нашего зимнего наступления на Керченском полуострове. Меня пугало там ощущение одиночества и затерянности человека среди неопрятной грязной весенней степи. Тут этого не было; кругом были люди, которых связывала большая общность уже хотя бы по одному тому, что всем им предстояло или выжить вместе или погибнуть вместе и никаких других «или».

Лодка пересекала море в седьмой раз за войну. Это был уже привычный, налаженный рейс. Только здесь, по дороге, я узнал от Стрельницкого, что мы идём не на дежурство в определённый квадрат моря, а на значительно более опасную операцию — именно для минирования одной из румынских гаваней. Опасность этой процедуры, как мне популярно объяснили, состояла в том, что нужно было подойти очень близко к берегу, в самую бухту, и поставить мины почти на виду у немцев. Это, как я понял, была одна из тех невидных, но опасных и важных работ, которые на земле могут быть сравнены, может быть, с работой сапёров, идущих впереди танков. Когда мне это рассказали, помню, у меня было три мысли: 1) что это интересно по существу, 2) что с внешней стороны это гораздо менее интересно, чем то, о чём мы привыкли читать, — чем потопление какого-нибудь корабля, и, наконец, 3) мне казалось, что в данное время это сугубо секретно. Я понял, что как бы лодка блестяще ни выполнила своё задание, если она случайно не наткнётся на какой-нибудь корабль и не потопит его (а это могло быть только случайно), то, не имея возможности написать в «Красной звезде» корреспонденцию о новом задании, я буду в трудном положении и, с точки зрения газетчика, вся эта экспедиция окажется бесцельной.

К концу суток, когда нужно было уже подниматься на поверхность зарядать аккумулятор, в

лодке воздух становился каким-то сдавленным. Это замечалось не потому, что было душно — давление прибавлялось постепенно, — но по тяжести в движениях, в разговорах и, я бы даже сказал, в мыслях: очевидно, это было у меня с непривычки.

На второй день (или ночь, тут уже не разобрать) меня подбили рассказать людям о Западном фронте. Я пошёл в жилой отсек команды, где часть людей собралась в это самое спокойное время. Они лежали и сидели на подвесных полотняных койках. Мне дали раскладной, тоже полотняный табурет. Из двух соседних отсеков высовывались головы ещё нескольких человек, но входить сюда они не имели права, ибо на случай боевой тревоги в одном отсеке не может находиться людей больше, чем это положено.

Я рассказывал людям о Западном фронте, приводя те примеры мужества, которые видел, на которые мы опирались в нашей газетной работе. Когда я рассказывал всё это, то заметил одну любопытную психологическую деталь: подводники были люди боевые, уже много раз рисковавшие жизнью, но, когда я им рассказывал о других условиях и других людях, у них было чувство, что самое настоящее не тут, где они, а там, у тех людей, о которых я им рассказывал. У них было ощущение, что они как-то в стороне от самого главного, самого опасного и самого героического. И потом, когда меня забрасывала судьба на разные фронты, сколько мне ни приходилось рассказывать на одном фронте о другом, всегда, когда люди слушали, им казалось, что самое настоящее и сильное происходит не там, где они. Это, видимо, — свойство русского человека вообще, не только солдат, но и наших писателей, корреспондентов. Я сам хорошо познакомился с этим ощущением, когда, много где перебывав, вдруг слушал рассказ кого-нибудь из товарищей о том, что он

видел, и мне казалось, что вот где на самом деле было опасно и интересно, а не там, где был я.

Кажется, на третьи сутки мне дали посмотреть в перископ, и я увидел очень близко румынский берег — каменные горы, похожие на крымские, и маленькие домики. Всё это было очень ясно видно. Но, когда я стал поворачивать перископ, чтобы посмотреть, что слева и что справа, то, как я его ни вертел, всё время был виден берег. Только когда я повернул его почти на 360°, в нём показалась полоса воды. Когда я попросил объяснения, мне сказали, что мы находимся в Констанце. Очевидно, подходило время для того, чтобы выполнить наше главное задание. Это было заметно по ощущению на лодке: все были напряжены. Не желая задавать лишних вопросов и вообще путаться под ногами, я улёгся на свой диван, чувствуя, что лодка стопорит ход и производит какие-то эволюции. Вскоре в каюту ввалился усталый капитан; он сел, положил руки на стол и голову на руки, залпом выпил два стакана компота, потом чаю, потом растегнул китель и с облегчением сказал, что «готово — заминировали», и, чуть не задремав на стуле здесь же, за столом, пошёл спать.

Штурман Быков — парень с лицом, круглым и розовым, как у трёхлетнего ребёнка, — всё ещё продолжал сидеть в своей штурманской кабине, и, согнувшись, вычислял обратный курс. Однако вскоре Стрельницкий сказал мне, что неожиданно получена радиграмма, чтобы мы ещё задержались на сутки и побродили у берегов Румынии. Грешным делом, это меня не особенно обрадовало: я уже думал, что мы будем возвращаться назад, и на душе было легче. Теперь мы оставались тут.

Прошли сутки. Мы удалились от румынских берегов и были уже в открытом море. Было ясное утро, прекрасная видимость, и лодка шла по поверхности. Вдруг матрос-наблюдатель у зенитного пулемёта — повернулся к Полякову и сказал: «Корабль». Поляков взял бинокль и стал смотреть в этом направлении. Через минуту он крикнул резким

В СЕВЕРНОЙ БУКОВИНЕ. Бой откатился дальше на запад, и о днях жестоких сражений на этой земле напоминают лишь разбитые немецкие танки, орудия, автомашины. Жители посёлка Жучки с интересом рассматривают поверженного в прах немецкого «тигра» (снимок слева). Радужно встречают крепкие наши части, проходящие через село. На снимке справа: Николай Прочук прощается с командиром танка гвардии лейтенантом Г. Семёновым и желает ему поскорее вернуться с победой.

Фото Н. Колли

голосом: «Срочное погружение!» — щёлкнул ручкой телеграфа, и я, желая показать свою дисциплинированность и кроме того просто инстинктивно, по-подводному, «рыбкой», скользя по поручням, свалился в люк, а вслед за мной и другие. Через пятьдесят секунд лодка была уже под водой.

Мне разрешили остаться на центральном посту, где находился перископ, к которому Поляков буквально прилип. Он закидывал руку за поручень перископа, так, как закидывают её, когда плывут «кролем», и, наваливаясь плечом, поворачивал перископ то влево, то вправо. Одна за другой следовали команды о том, чтобы прибавлять ход. Корабль оставался ещё видимым, но вскоре выяснилось, что он, то ли заметив нас, то ли по случайному совпадению, идёт курсом не на нас и не поперечным, а прямо от нас. Постепенно в перископ становилось его видно всё хуже и хуже. Очевидно, надводный ход судна был больше нашего, подводного. Вдруг у Стрельницкого загорелись глаза.

— Товарищ командир, — сказал он Полякову, — разрешите мне. Я же ведь всё-таки бывший флагманский артиллерист бригады. Давайте всплывём, немножко догоним и распротроним их из артиллерии.

После секундной паузы Поляков кивнул головой и отдал приказ к всплытию. Очень скоро лодка всплыла. Когда мы вышли на мостик, то неприятельский корабль был уже вне поля нашего зрения; кругом была вода и только вода. Было только известно, каким курсом идти. Казалось, что мы на охоте, и это было очень увлекательно. Наконец в бинокль снова стал виден дымок на горизонте. Я спросил Стрельницкого, какая тут может быть дистанция. Он сказал, что миль семь. Увеличив ход до предела, мы продолжали идти вслед за кораблём. Но он удалялся тоже очень быстро, и мы нагоняли его в час по чайной ложке. Погоня продолжалась уже около двух часов, а между тем мы сблизились всего на милью — полторы; корабль делал меньше нас на каких-нибудь десять узлов в час. Мы шли курсом прямо — обратно, — к румынским берегам.

— Мы его так и до Румынии не догоним, — сказал Стрельницкий.

Действительно, о том, чтобы догнать и потопить торпедным залпом, если судёнышко того заслуживало, не могло быть и речи из-за всё ещё остававшейся между нами огромной дистанции.

— Товарищ командир, может, стрелбён, а? — спросил Стрельницкий, которому не терпелось.

— Далёко, — сказал Поляков, — не попадём. Ну, давайте попробуем, всё равно не догоним.

Стрельницкий звонким голосом дал команду расчёту: «К орудию!» Расчёт занял свои места. На горизонте был виден теперь уже не только дымок, но была видна удлинённая чёрная точка — возвышавшийся над водой корпус судна. Стрельницкий произвёл артиллерийские расчёты и каким-то особенным, торжественным, мальчишески задорным голосом крикнул:

— Прицел четыре. По румынскому пароходу... огонь!

Раздался выстрел, и на минуту впереди мостика всё заволокло дымом. Когда дым рассеялся, на

ПАРТБИЛЕТ

А. Софронов

Кто может позабыть счастливый миг — Счастливей в жизни не было и нет, — Когда тебе в райкоме большевик Вручает большевистский партбилет!

И ты берёшь горячею рукой, Чтоб сохранить его на сотни дней. И ты всё тот, и ты уже другой: Ты старше стал, серьёзней и сильней.

И вот пришла военная пора, Ты коммунист — шагаешь впереди; И шапка слева у тебя остра, И партбилет у сердца на груди.

Погибнуть в битве, если суждено, Лицо на Запад обратив, вперёд, Ты знаешь с партбилетом заодно Осколок сердце жаркое пробьёт.

И ты почувешь в этот смертный миг, Как кровь твоя омочит партбилет; Друзья твои, которых ближе нет, Друг другу скажут: «Умер большевик!»

А не умрёшь — ты будешь долго жить, Вернёшься вновь к жене своей и сыну, С друзьями будешь вновь дружить, Проверив их в суровую годину.

И сколько бы ни прожил долгих лет, — В любом труде ты будешь одинаков; Тебя всё так же будет партбилет Вести вперёд, как в эти дни — в атаку!

горизонте попрежнему была видна дымящаяся чёрная точка. Потом, через полминуты примерно, немного левее её над морем поднялся высокий водяной столб.

— Прицел два вправо... Огонь! — тотчас же командовал Стрельницкий.

Снова выстрел. Снова рассеявшийся перед мостиком дым. Но вот проходят пять секунд, десять, пятнадцать, тридцать, а на горизонте нет ничего, кроме той же дымящейся точки. Неужели снаряд не разорвался? Стрельницкий смущённо смотрит в бинокль и теперь уже злым голосом командует:

— Прицел тот же. Огонь!

Третий выстрел. Когда дым рассеивается в третий раз, мы все сразу с удивлением видим, что на горизонте ничего нет, то есть абсолютно ничего, никакого дыма, ровным счётом ничего. Это похоже на колдовство. Третий снаряд ещё не мог долететь, не мог произвести никакого действия, а парохода уже не было. Это была какая-то загадка. Прошло сорок секунд, и впереди, примерно там же, где был первый водяной столб, появился новый, от третьего выстрела. И вдруг Стрельницкого осенила мысль:

— Не может же, в самом деле, исчезнуть пароход. Очевидно, второй выстрел попал прямо в него, и взрыв совпал с той секундой, когда мы выстрелили третий раз.

И действительно, другого объяснения, кроме этого, неожиданного, нельзя было найти. Попасть на таком расстоянии, какое было сейчас, в движущийся корабль без пристрелки, со второго снаряда, — это был артиллерийский феномен, почти чудо. Но исчезнове-

ние корабля без попадания в него снаряда было бы ещё большим чудом. Надо ли говорить, что мы все остановились на первой мысли. Однако добросовестный Поляков, решил, что надо всё-таки проверить, отдал приказание идти полным ходом к месту, где, по нашим предположениям, должны были находиться обломки корабля, а может быть, и люди. Мы шли туда примерно три четверти часа, и когда дошли, то не обнаружили на воде ничего: ни людей, ни обломков, ни куска дерева — ничего, кроме огромных стай чаек, которые кружились над водой. Если снаряд попал в цель, то, очевидно, тут был взрыв исключительной силы и корабль разнесло. Другого объяснения не было.

Впоследствии, когда мы пришли на базу, выяснилось, что в этот день на этом участке моря был потоплен, как это установила агентурная разведка, румынский военный вспомогательный корабль тоннажем в пятьсот тонн, груженный боеприпасами. Так удачно окончилась артиллерийская проба Стрельницкого.

Мы немного порыскали на этом кругу, всё ещё надеясь найти хоть какое-нибудь доказательство сделанного, а потом Поляков приказал повернуть и идти обратным курсом, ибо и погоня и поиски обломков были рискованны в том случае, если с погибшего парохода успели дать радио о том, что их преследует подводная лодка.

Мы прошли обратно курсом минут двадцать, когда краснофлотец, стоявший за зенитным пулемётом, повернулся к капитану и тихо сказал: «Самолёт». Поляков скинул к глазам бинокль и дал сигнал срочного погружения. Мы

опять посыпались в люк. Через 40 секунд лодка скрылась под водой. Но на этот раз нам грозили глубинные бомбы, и мы продолжали погружение. Стрелка глубиномера показывала всё больше и больше: 5, 10, 15, 20, 25 метров. Примерно на глубине 30 метров мы остановились и уже пошли подводным ходом. В принципе считается, что на глубине свыше 30 метров, даже при прозрачной воде, самолёт с трудом замечает лодку. Так или иначе, мы, задержав дыхание, прислушивались. Очевидно, самолёты были вызваны по радио, и теперь они будут крутиться, поджидая, когда мы попробуем всплыть, и бросая наугад, по площади вокруг нас, глубинные бомбы. Все напряжённо ждали. Глубинная бомба, сброшенная даже на некотором расстоянии от лодки, всё равно может поразить её страшной силой удара распираемой взрывом воды.

Так мы ждали пять или десять минут. Примерно через четверть часа до нас долетели глухие взрывы.

— Бросает, — сказал Стрельницкий. — Глубинные бросает, но далёко. Уйдём, очевидно.

Мы шли под водой ещё часа два. Потом Поляков, рассчитав примерный запас горючего, какой могли взять кружившиеся над нами самолёты, решил всплыть. Уже стемнело, когда мы поднялись на поверхность.

Вскоре наступила чёрная южная ночь. Люк в лодке проходит через маленькую рубку, причём люк этот расположен не как прямой колодец, проходящий через два отделения, а на манер коленчатого вала; поэтому в рубке, где лежит специально для этой цели каски, люди сидят и курят вдвоём по две-три минуты — только затанутся и уйти, потому что внизу другие ждут своей очереди, а больше чем двое здесь не имеют права находиться. Я, как и другие, тоже сидел на каске и через люк смотрел на уже совсем почерневшее южное небо со звёздами. Потом по предложению командира выбрался наверх.

Я всю ночь проторчал на мостике: так было хорошо. Кроме того после недельного плавания я чувствовал нехватку свежего воздуха и глотал его так, как человек с пересохшим горлом пьёт воду.

Мы шли обратно довольно долго, ибо пришлось идти сложным маршрутом, минуя минные поля. В Севастополе мы заходили со стороны Ялты. Странно было видеть этот город, в котором я за последние четыре года провёл в общей сложности год, в котором знал каждый дом, каждую улицу, — странно было его видеть в первый раз с моря, да ещё с подводной лодки.

Вскоре появились встречающие нас катера, а потом другая лодка, идущая для выполнения такого же задания, с которого только что возвращались мы.

«С благополучным возвращением», — просигналили нам.

«Желаем счастливого похода», — ответили мы.

К вечеру мы были в Севастополе. Здесь мы пришвартовались у стенки подплава, в последний раз пообедали на лодке, уже стоявшей у швартов, выпили по стаканчику водки, которую во время плавания Поляков распорядился заменить вином, и я, пожав всем руки, отправился в город.

Так закончилась морская часть моей южной поездки.

(Отрывки из третьей книги)

Алексей Толстой

Рисунок В. Дегтярёва

Скучно стало в Москве. В обеденную пору — в июльский зной — одни бездомные собаки бродили по кривым улицам, опустив хвосты, приносящая всякую дрянь, которую люди выбрасывали за ненадобностью за ворота. Не было прежней толкотни и крика на площадях, когда у иного почтенного человека полы оторвут, заывая к палаткам, или вывернут карманы, раньше чем он что-нибудь купит на таком вертячем месте. Бывало, ещё до зари ото всех слобод — арбатских, сухаревских и замоскворецких — везли полные телеги красного, скобяного и кожаного товара: горшки, чашки, плошки, крендели, решота с ягодой и всякие овощи, несли шести с лаптами, лотки с пирогами, торопясь, становили телеги и палатки на площадях. Опустили стрелецкие слободы, дворы на них позападали, поросли глухой крапивой. Много народу работало теперь на новозаведённых мануфактурах, вместе с колдунниками и кабальными. Полотно и сукно оттуда шло прямо в Преображенский приказ. Во всех московских кузницах ковали шпиги, копыя, стремёна и шпоры. Конопляной верёвочки нельзя было купить в Москве — вся конопля взята в казну.

И колокольного звона прежнего уже не было — от света до света, — во многих церквях большие колокола сняты и отвезены на Литейный двор, перелиты в пушки. Пономарь от Старого Пимена, когда пропахшие табачищем драгуны сволокли у него с колокольни великий колокол, напился пьян и хотел повеситься на перекадине, а потом, лёжа связанный на сундуке, в иступлении ума закричал, что славна была Москва малиновым звоном, а теперь на Москве станет темно.

Прежде у каждого боярского двора, у ворот, зубоскакали нагие дворовые холопы, в шапках, сбитых на ухо, играли в свайку, метали деньги, или просто не давали проходить ни конному, ни пешему, — хохот, баловство, хватанье руками. Нынче ворота закрыты наглухо, на широком дворе тихо, людишки взяты на войну, боярские сыновья и зятья либо в полках унтер-офицерами либо посланы за море, недоросли отданы в школы — учиться навигации, математике и фортификации, сам боярин сидит без дела у раскрасившего окошечка, рад, что хоть на малое время царь Пётр, за отъездом, не неволит его курить табак, скоблить бороду или в белых чулках по колено, в парике из бабьих волос — до пупа — вертеть и дёргать ногами.

Не весело, темно думается боярину у окошечка. «Всё равно маво Мишку математику не научишь, поставлена Москва без математики, и жили, слава богу, пятьсот лет без математики — лучше нынешнего; от этой войны, само собой, ждать нечего, кроме конечного разорения, сколько ни таскай по Москве в золотёных телегах богопротивных Нептунов и Венерок во имя преславной виктории на Неве... Как пить дать, швед побьёт наше войско, и ещё татары, давно этого дожидались, выйдут ордой из Крыма, полезут через Оку... О хо-хо!»

Боярин тянулся толстыми пальцами к тарелке с малиной, — осы, проклятые, облепили всю тарелку и подоконник! Лениво перебирая чётки из масляных косточек — с Афона, — боярин глядел на двор. Запустение! Который год за царскими затеями да забавами и подумать некогда о своём-та... Клетки покривились, на погребках дерновые крыши просели, повсюду бурьян безобразный... «И куры, гляди-ко, какие-то, голенастые, и утка мелкая нынче, горбатые поросята идут гуськом за свиньёй — грязные да тощие. О хо-хо!» Умом боярин понимал, что надо бы крикнуть скотницу и птичницу да тут же их под окошечком и похлестать лозой, вздев юбки. В такой зной кричать да сердиться — себе дороже.

Боярин перевёл глаза повыше — за тын, за липы, покрытые бело-жёлтым цветом и гудящими пчёлами. Не так далеко виднелась обветшавшая кремлёвская стена, на которой между зубцами росли кусты. И смех и грех, доцарствовалась, Пётр Алексеевич! Крепо-

стой ров от самых Троицких ворот, где лежали кучи мусора, заболотился совсем, курица перейдёт, и вонища же от него!.. И речка Неглинная обмелела, с правой стороны по ней Лоскутный базар, где прямо с рук торгуют всяким краденым, а по левому берегу под стеной сидят с удочками мальчишки в запачканных рубашках, и никто их оттуда не гонит..

В рядах на Красной площади купцы запирают лавки, собрались идти обедать, всё равно торговлишка тихая, вешают на дверях пудовые замки. И пономарь прикрывает двери, затряс козлиной бородой на нищих, тоже пошёл потихоньку домой — хлебать квас с луком, с вяленой рыбой, потом — посापывать носом в холодок под бузину. И нищие, убогие, всякие уроды сползли с паперти, побегали под полуденным зноем кто куда.

В самом деле, пора бы собирать обедать, а то истома совсем одолела, такая скучища. Боярин всмотрелся, вытянул шею и губы, даже приподнялся с табурета и прикрыл ладонью сверху глаза свои, — по кирпичному мосту, что перекинут от Троицких ворот через Неглинную на Лоскутный базар, ехал, отсвечивая солнцем, стеклянная карета четвернёй — цугом серых коней, с малиновым гайдуком на выноской. Это царевна Наталья, любимая сестра царя Петра, с таким же беспокойным нравом, как у брата, вышла в поход. Куда же она поехала-то, батюшки? Боярин, сердито отмахиваясь платком от ос, высунулся в окошечко.

— Гришутка! — закричал он небольшому пареньку в длинной холщёвой рубашке с красными подмышками, мочившему босые ноги в луже около колодца. — Беги что есть духу, вот я тебя! Увидишь на Тверской солотую карету — беги за ней, не отставай, вернёшься — скажешь, куда она поехала!..

2

Четверня серых лошадей, с красными султанами над ушами, с медными бляхами и бубенцами на сбруе, тяжёлым скоком пронесла карету по широкому луку и остановилась у старого Измайловского дворца. Его поставил ещё царь Алексей Михайлович, любивший всякие затеи у себя в сельце Измайлове, где до сих пор с коровьим стадом паслись ручные лосихи, в ямах сидели медведи, на птичьем дворе ходили павлины, забравшиеся летом спать на деревья. Не перечесть, сколько на бревенчатом, потемневшем от времени дворце было пёстрых и лужёных крыш над светлицами, переходами

и крыльцами: и крутых, с гребешком, как у ерша, и бочкой, и кокошником. Над ними в полуденной тишине резади воздух злые стрижи. Все окошечки во дворце заперты. На крыльце дремал на одной ноге старый петух, — ког-а подбежала карета, он спохватился, вскрикнул, побежал, и, как на пожар, подо всеми крыльечками закричали куры. Тогда из подклеев открылась низенькая дверца и высунулся сторож, тоже старый. Увидав карету, он, не торопясь, стал на колени и поклонился лбом в землю.

Царевна Наталья, высунув голову из кареты, спросила нетерпеливо:

— Где боярышни, дедушка?

Дед поднялся, выставил синюю бороду, вытянул губы.

— Здравствуй, матушка, здравствуй, красавица царевна Наталья Алексеевна! — и ласково глядел на неё из-под бровей, застывших ему глаза. — Ах ты, богоданная, ах ты любезная!.. Где боярышни, спрашиваешь? А боярышни не знаю где, не видал.

Наталья выпрыгнула из кареты, стащила с головы тяжёлый, жемчужный рогатый венец, с плеч сбросила парчовый летник, — надевала она старомосковское платье только для выезда, — ближняя боярыня, Василиса Мясная, подхватила вещи в карету. Наталья, высокая, худощавая, быстрая, в лёгком голландском платье, пошла по луку к роше. Там — в проходе — зажмурилась, до того был силен и сладок дух цветущей липы.

— Ау! — крикнула Наталья.

Невдалеке, в той стороне, где за ветвями нестерпимо в воде блеснуло солнце, откликнулся ленивый женский голос. На берегу пруда, близ воды, у песочка, у мостков, стоял пёстрый шатёр, в тени его на подушках, изнывая, лежали четыре молодые женщины. Они торопливо поднялись навстречу Наталье, размоённые, с развитыми косами. Та, что постарше, низенькая, длинноногая, Аниось Толстая, первая подбежала к ней и всплеснулась, вертя проворными глазами:

— Свет наш, Натальюшка, государыня царевна, ах, ах, туалет заграничный! Ах, ах, божество!

Две другие — сёстры Александра Даниловича Меншикова, недавно взятые приказом Петра из отцовского дома в Измайловский дворец под присмотр Аниось Толстой для обучения политесу и грамоте, — юные дёвы Марфа и Анна, обе пышные, ещё мало обтёсанные, приразинули припухшие рты и распахнули ресницы, прозрачно глядя на царевну. Платье на ней было голландское — красная, тонкой шерсти широкая юбка, с тройной золотой каймой по подолу, и невиданная, узкая душегрейка, — шея, плечи — голые, руки по локоть — голые. Наталья сама понимала, что только с богиней можно сравнить её, ну с Дианой; кругловатое лицо её, с приподнятым, коротким, как у брата, носом, маленькие ушки, ротик — всё было ясное, юное, надменное.

(Окончание на стр. 10.)

Не весело, темно думается боярину у окошечка..

ГЕРОИКА ВЕЛИКОГО НАРОДА

П. Мальков, П. Соколов-Скаля, П. Шухмин и В.Яковлев. — «Разгром немцев под Москвой».

В. Ефанов — «Сталинград».

Осенью 1941 года, когда враг рвался к столице, — в мастерских художников-москвичей рождались новые полотна. Суровая фронтовая Москва оцетинившаяся баррикадами, ежами и надолбами, встаёт перед нами в этих картинах. Зенитки на крышах и площадях. По улицам проходят танки, пехота, артиллерия. Мимо древних стен Кремля движутся вооружённые колонны защитников родной столицы. Такова Москва в полотнах А. Дейнеки, Г. Нисского, Ю. Пименова, в зарисовках А. Лаптева, Д. Мочальского и других художников.

Историческая победа Красной Армии на подступах к столице отражена в большом полотне художников П. Малькова, П. Соколова-Скаля, П. Шухмина и В. Яковлева — «Разгром немцев под Москвой».

В осаждённом Ленинграде, в тяжёлых условиях блокады, художники А. Пахомов, Н. Дормидонтов, Н. Павлов, В. Серов и другие запечатлевали величественный облик города-героя. Совместно с И. Серебряным и А. Казанцевым В. Серов написал картину, изображающую момент встречи защитников Ленинграда с бойцами Волховского фронта.

Великая битва за Сталинград отображена в работах многих художников. В окопах, в блиндажах, на передовой работали К. Финогенов, В. Одинцов, В. Ефанов и другие.

В осаждённом Севастополе художник Л. Соيفертис создал свои незабываемые зарисовки, изображающие жизнь и быт города-фронта. Севастопольская эпопея нашла своё отражение в монументальной работе А. Дейнеки «Оборона Севастополя».

В. Серов, И. Серебрянный и А. Казанцев — «Прорыв блокады (18 января 1943 года)».

А. Дейнека — «Оборона Севастополя».

— Туалет вчера мне привезли, прислала из Гааги Санька, Александра Ивановна Волкова.. Красиво и телу вольно.. Конечно не для большого выхода, а для рожи, для луга, для забав.

Наталя поворачивалась, давая себя разглядеть хорошенько. Четвёртая молодая женщина стояла поодаль, скромно сложив наперед опущенные руки, улыбаясь свежим, как вишня, лукавым ртом, и глаза у нее были вишнёвые, легко вспыхивающие, женские. Круглые щёки румяны от зноя, тёмные кудрявые волосы — тоже влажные. Наталя, поворачиваясь под ахи и всплески рук, несколько раз взглянула на неё, строптиво выпятила нижнюю губу, — ещё не понимала сама: любезна или неприятна ей эта мариебургская полонянка, взятая в солдатском кафтане из-под телеги в шатёр к фельдмаршалу Шереметьеву, выторгованная у него Меншиковым и покорно — однажды ночью, у горящего очага, за стаканом вина, — отданная им Петру Алексеевичу.

Наталя была девственница, — не в пример своим единокровным сёстрам, родным сёстрам заточённой в монастыре правительницы Софии, царевнам Катке и Машке, над которыми потешалась вся Москва. Прав у Натали был пылакий и непримирчивый. Катку и Машку она не раз ругивала потаскушками и коровами, разгорячаясь, и била их по щекам. Старые, теремные обычаи, жаркие, скоромные шопоты разных бабкок-заворонок она изгнала у себя из дворца. Она и брату, Петру Алексеевичу, выговаривала, когда он одно время, навсегда отослав от себя бесстыжую фаворитку Анну Монс, стал уж очень неразборчив и прост с женщинами. Вначале Наталя думала, что и эта — солдатская полонянка — так же ему лишь на полчаса: встряхнётся и забудет. Нет, Пётр Алексеевич не забыл того вечера у Меншикова, когда бушевал ветер и Екатерина, взяв свечу, посетила царю в спальне. Для меншиковской экономки велено было купить небольшой домишко на Арбате, куда Александр Данилович сам отвёз её постелею, узлы и коробы, а через небольшое время оттуда её привезли в Измайловский дворец под присмотр Анисьи Толстой.

Здесь Катерина жила без печали, всегда весёлая, простодушная, свежая, хоть и валялась в своё время под солдатской телегой. Пётр Алексеевич часто ей присылал с оказией коротенькие смешливые письма, — то со Свири, где он начал строить флот для Балтийского моря, то из нового города Питербурга, то из Воронежа. Он скучал по ней. Она, разбирая по складам его записочки, только плуце расцветала. У Натали растревалось любопытство: чем она, всё-таки, его приворожила?

— Хочешь сошью тебе такой же туалет к приезду государя? — сказала Наталя, строго глядя на Катерину.

Та присела, смутясь, выговорила:

— Хочу очень.. Спасибо..

— Робеет она тебя, свет Натальюшка, — зашептала Анисья Толстая, — не пепели её взором, будь с ней послабже.. Я ей — и так и сяк — про твою доброту, она знает своё: «Царевна безгрешная, я — грешная, её, говорит, доброту ничем не заслужила.. Что меня, говорит, государь полюбил, — мне и то удивительно, как гром с ясного неба, опомниться не могу..» Да и эти две мои дурицы всё к ней лезут с расспросами: что с ней было да как? Я им настрою про это и думать и говорить наказала. Вот вам, говорю, греческие боги да амур, про их похождения и думайте и говорите.. Нет и нет, влезла в них эта деревенщина — щебетать про всё пошлое.. С утра до ночи им одно повторяю: были вы рабынями, стали богинями.

От зноя растрескивались кузнечики в скошенной траве так, что в ушах было сухо. Далеко на той стороне пруда чёрный сосновый бор, казалось, истощался вершинами в мареве. Стрекозы сидели на осоке, паучки стояли на бледной воде. Наталя вошла под тень шатра, сбросила душегрейку, скрутила тёмнорусые косы вокруг головы, растегнула, уронила юбку, вышла из неё, спустила тонкую рубашку и, совсем как на печатных голландских листах, которые время от времени вместе с книгами присылались из дворцового

— Купаться всем! — крикнула Наталя..

приказа, не стыдясь наготы, пошла на мостки.

— Купаться всем! — крикнула Наталя, оборачиваясь к шатру и всё ещё подкручивая косы.

Марфа и Анна жеманились, раздеваясь, покуда Анисья Толстая не прикрикнула на них: «Чего приседаёте, толстомясы, никто ваши прелести не похитит!» Катерина тоже смущалась, замечая, что царевна пристальнее разглядывает её. Наталя, как будто, и брезговала и любовалась ей. Когда Катерина, опустив кудрявую голову, осторожно пошла по скошенной траве и зной озолотил её, круглоплечую, тугобёдрую, налитую здоровьем и силой, Наталя подумалось, что братец, строя на севере корабли, конечно, должен скучать по этой женщине, ему, наверно, видится сквозь табачный дым, как вот она красивыми руками поднесёт младенца к высокой груди.. Наталя с трудом выдохнула полную грудь воздуха и, закрыв глаза, бросилась в холодную воду.. В этом месте со дна били ключи..

Катерина степенно слезла бочком с мостков, окунаясь всё смелее, от радости рассмеялась, и тут только Наталя окончательно поняла, что, кажется, готова любить её. Она подплыла и положила ей руки на смуглые плечи:

— Красивая ты, Катерина, я рада, что братец тебя любит.

— Спасибо, государыня..

— Можешь звать меня Наташей..

Она поцеловала Катерину в холодноватую, круглую, мокрую щеку, заглянула в её вишнёвые глаза:

— Будь умна, Катерина, буду тебе другом..

Марфа и Анна, окуная то одну, то другую ногу, всё ещё боялись и повизгивали на мостках: Анисья Толстая, рассердясь, силой спихнула обеих пышных дев в воду. Все паучки разбежались, все стрекозы, сорвавшись с осоки, летали, толкались над купающимися богинями.

3

В тени шатра, закрутив мокрые волосы, Наталя пила только что принесённые с погребца агониде водички, грушевые медки и кисленькие кваски. Кладя в рот маленький кусочек сахарного пряника, говорила:

— Обидно видеть наше невежество. Слава богу, мы других народов не глупее, девы наши статны и красивы, как никакие другие, — это все иностранцы говорят, — способны к учению и политике. Братец который год бьётся, — силой тащит людей из теремов, из затхлоости.. Упираются, да не девки, — отцы с матерями. Братец, уезжая на войну, уж

как меня просил: «Наташа, не давай, пожалуйста, им покоя — старозаветным-то бородачам!.. Досаждай им, если добром не хотят.. Засосёт нас это болото!..» Я бьюсь, я одна.. Спасибо царице Прасковье, в последнее время она мне помогает, — хоть и трудно ей старину ломать — всё-таки завела для дочерей новые порядки: по воскресеньям у неё после обеда бывают во французском платье, пьют кофей, слушают музыкальный ящик и говорят о мирском.. А вот у меня в Кремле осенью будет новинка, так новинка..

— Что же за новинка будет у тебя, свет наш? — спросила Анисья Толстая, вытирая сладкие губы.

— Новинка будет изрядная.. Тиатр.. Не совсем, конечно, как при французском дворе.. Там, в Версале, во всём свете преславные актёры, и танцоры, и живописцы, и музыканты.. А здесь — я одна, я и трагедии перекаладываю с французского на русский, я и сочиняю — чего недостаёт, я и с комедиями возись..

Когда Наталя выговаривала «тиатр» обе девы Меншиковы, и Анисья Толстая, и Катерина, слушавшая её, впишлись тёмным взором, переглянулись всплеснули руками..

— Для начала, чтобы не очень напугать, будет представлено «Пешное действо», с пением вишей.. А к новому году, когда государь приедет на праздники и из Питербурга съедутся, представим «Нравоучительное действо о распутном сластолюбце Дон Жуане, или как его земля поглотила..» Уж я веляю в театре бывать всем, упираться начнут, — драгунов буду посылать за публичкой.. Жалко нет в Москве Александры Ивановны Волковой, она бы очень помогла.. Вот она, к примеру, из чёрной, мужицкой семьи, отец её лычком подпоясывался, сама грамоте начала учиться, когда уж замуж вышла.. Говорит бойко на трёх языках, сочиняет вирши, сейчас она в Гааге при нашем после Андрее Артамоновича Матвеева.. Кавалеры из-за неё на шпагах бьются, и есть убитые.. И она собирается в Париж, ко двору Людовика Четырнадцатого — блистать.. Понятна вам учёная польза?

Анисья Толстая тут же ткнула жёсткой щепотью под бок Марфу и Анну:

— Дождались вопроса? А вот приедет государь, да — случится ему — подведёт к тебе или к тебе галантного кавалера, а сам будет слушать, как ты станешь страмитаться..

— Оставь их, Анисья, жарко, — сказала Наталя, — ну, прощайте. Мне ещё в Немецкую свободу нужно заехать. Опять жалобы на сестриц. Бюкс: до государя дойдёт. Хочу с ними поговорить крутенько.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

П. Лидов

Было это под Орлом, в берёзовой роще, на командном пункте истребительного полка. Прохладный вечер заставил нас спуститься в землянку, и к столу мы сели, накинув на плечи шинели. К ужину подали грибы и жареную картошку с солёной консервированной колбасой.

Тут-то командир части подполковник Андрей Степанович Данилов и начал свой рассказ. Воспоминания охватывали его всё с большей силой, глаза заблестели лихорадочным огнём, он часто курил и не притрунул к ужину.

— Весной 1941 года наш полк стоял в посёлке Скидель, близ Гродно, — начал подполковник свой рассказ. — Я был комиссаром эскадрильи в звании старшего политрука. Летали мы на «чайках» — так называли двух-плоскостный истребитель «И-15», который в то время служил у нас также и штурмовиком. В ночь на 22 июня моя эскадрилья была дежурной. Под утро раздался сигнал тревоги. Мы побежали к самолётам.

Тревоги бывали у нас нередко. Объявляли их либо для того, чтобы проверить готовность экипажей, либо тогда, когда германские самолёты, заблудившись или с целью разведки, нарушали нашу границу. Поэтому внезапный вылет не удивил ни меня, ни моих пилотов. Командир полка сказал нам, что три «юнкерса» нарушили границу в районе Гродно, и, как обычно, предупредил: через границу не перелетать

отличить от других: кабина и моторы выдаются у них далеко вперёд, надобие трезубца, что придаёт самолёту хищный вид. Решение созрело мгновенно: атаковать! Я повалился на головную машину сверху и с первой же атаки, не задумываясь, а скорее повинувшись какому-то инстинкту борьбы, подстрелил её. «Юнкерс» лёг на обратный курс. Идя почти у самой земли и оставляя за собой растрёпанного, чёрного дыма, он изо всех сил стремился дотянуть до границы. Я старался не выпускать этого чёрного пятна из своего прицела, как вдруг оно исчезло, и я понял, что вражеский самолёт врезался в землю и находится теперь уже где-то позади. Мне ничего не оставалось делать, как набрать высоту и взять курс на свой аэродром.

Солнце ещё не всходило, когда я и мои товарищи почти одновременно приземлились в Скиделе. Я узнал, что они сбили два «юнкерса», и доложил об этом командиру полка. Командир с минуту помолчал и спокойно даже, как мне показалось, с подчёркнутой неторопливостью приказал вылететь снова, на этот раз сёмёркой, и поставил задачу: барражировать тремя ярусами и прикрывать Гродно.

Немец, видимо, тоже заметил меня и решил уйти. Он перешёл в отвесное пики, и тут я увидел, что машина двух-плоскостная — «Фокке-Вульф-189», или, как её стали потом у нас называть, «рама». Это был разведчик, его-то и сопровождала напавшая на меня тройка «мессеров».

Даю ручку от себя, жму на газ, иду за «рамой» с крутым снижением при полных оборотах мотора. Скорость сумасшедшая, от завихрения в кабине смерч, воздух разрежен, и пыль с мусором из-под ног бьёт прямо в лицо. У самой земли немец выравнивает свой аппарат — то же делаю и я. Он тянет к границе — я за ним. Нервно, сердце колотится, перехватывает дыхание. Не свожу глаз с фашистских чёрных крестов и даю несколько коротких очередей для пристрелки, не рассчитывая на поражение. И вдруг «рама» теряет скорость, и я едва успеваю отвернуть, чтобы не врезаться ей в хвост. Оборачиваюсь и вижу, как «Фокке-Вульф» рассыпается над хорошо знакомой мне деревней Крапивно. Закладываю вираж на дорогу и как её остатки охватывает пламя. Продолжаю кружить и наслаждаться зрели-

щем. Дерюгин выскакивает вперёд и покачивает крыльями. Раздумывать некогда. беру на себя «мессершмитт», иду на него в три четверти. Навожу пулемёт и начинаю бить короткими очередями, чтобы он отвернул от моих трасс и подставил борт. Этот приём удаётся, и немец сворачивает. Тут я посылаю ему длинную очередь и вижу, как истребитель валится на нос, а рядом с ним раскрывается купол парашюта.

Разворачиваюсь, догоняю Дерюгина и вижу: в воздухе несколько «Дорнье-217», а Дерюгин, набирая высоту, идёт против них в атаку! Я за ним. Он уже одного поджёт, я бросаюсь на следующего в лобовую, выпускаю очередь, отворачиваю — и за третьим. А немцы — кто вправо, кто влево, кто вверх, кто вниз. У меня один задымил — и в спираль. Но вот возле нас уже девятка «мессеров». Даю хорошую очередь с большой дистанции, веером, почти наугад. Один задымил, закружился — и пошёл! Но тут дали и мне — пошёл и я в штопор. Когда вывел, вижу, левая плоскость ободрана, перкала болтается, рёбра наружу. Машина слушается плохо. С трудом заложил мелкий вираж вправо, держусь кое-как.

А «мессеры» тем временем окружили меня. Огонь, дым, следы от трассирующих пуль, всё, как сеткой, затянуло. «Вот теперь, — думаю, — погиб!»

Вражеский снаряд нижнюю плоскость пробил, пуля в сухожилие левой руки попала, всё лицо в мелких осколках, реглан искромсан...

Гляжу: один красиво так на меня заходит. И вижу свою смерть. Теперь уже всё равно: таран, так таран! Он в пики, а я задираю нос к нему и, не целясь, нажимаю гашетку. Он и посыпался. Падаёт, струя дыма от него всё гуще, и я рядом, в нескольких метрах от него, падаю.

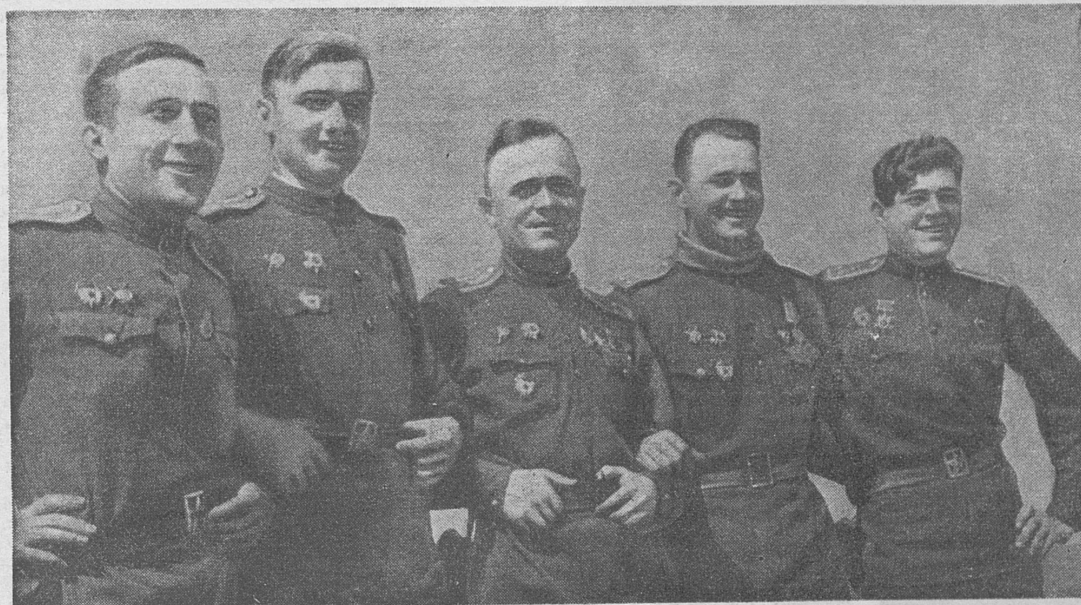
Вижу только лес, опушку, рожь, а в глазах темнеет и круги появляются. Решаю: теперь уж, наверное, убит!

Лежу во ржи. Взглянул на часы — часы идут. Думаю: «Всего пять часов утра, а я уже отвоёвался!» «Мессер» тем временем возвращается и нацеливается в меня. Сбрасывая лямки парашюта, хочу отбежать, а нога не действует. И слышу в эту минуту голос: «Скорей сюда, скорей сюда!»

Оказалось: недалеко от меня в яме, прячась от бомбёжки и обстрела, сидели четыре женщины и пятеро детей. Одна из этих женщин, Степанида Ивановна, кричала мне: «Скорей сюда!» Она взяла меня к себе домой, переазывала, кормила, и от немцев скрывала, и к своим потом переехала.

...Окончив свой рассказ, Андрей Степанович помолчал немного, а потом сказал:

— Вот возьмём Гродно, — слетаем к Степаниде Ивановне в гости обязательно.

Третью славную годовщину своей боевой работы отметили лётчики гвардейского истребительного полка, где командиром гвардии майор С. Петухов. Полк дрался под Москвой, Сталинградом, Ростовом на Дону, на Кубани и Украине. На снимке (слева направо): ветераны полка — гвардейцы лейтенант Н. Бродников, лейтенант И. Карачинский, майор С. Петухов, капитан Л. Дёма и лейтенант И. Рейдель.

Фото специального корреспондента «Огонька» Б. Цейтлина.

и стараться заставить лётчиков сопредельной державы приземлиться на советской территории.

И вот наша пятёрка в воздухе. Идём к Гродно. Темно. Всё ближе граница. Вижу: вдоль всей границы огни. Обычно неуловимую, лишь предполагаемую с воздуха линию чётко обозначили частые багровые вспыхивания. Нетрудно было догадаться: бьёт артиллерия. «Что же это, — подумал я, — война?» И решил на свой страх и риск поступать, как на войне.

Над окраиной города на фоне чуть посветлевшего предзакатного неба я увидел синеватые огоньки выхлопов и силуэты германских бомбардировщиков «Юнкерс-88». Эти самолёты легко

Новая встреча с противником произошла тотчас же, как мы появились над городом. Три «мессершмитта» атаквали мою пару сверху, но почти в тот же миг пара «чаек», находившаяся выше меня, в свою очередь пикировала на вражеские истребители и стала прижимать их к низу. Несколько секунд я следил за «мессершмиттами», и мне показалось даже, что одного из них вот-вот вгонят в Неман, где-то между городским и железнодорожным мостами.

Затем я стал глядеть перед собой и увидел ещё одну вражескую машину.

Моей победы и тут замечаю, что я не один над полем боя. Надо мной делает вираж Дерюгин, мой ведомый. Я машу ему рукой: «За мной!» — Дерюгин кивает головой.

Мы уже сорок пять минут в воздухе, пора домой. Подходим к Скиделю и видим, что наш аэродром задрнут дымом. Вскоре сквозь дым стали видны огни пожаров и фонтаны взлетающей вверх земли. Бомбят!

Я не отрываю глаз от аэродрома и не замечаю, что навстречу нам идут три «юнкерса» и «Мессершмитт-110». Чтобы привлечь к ним моё внимание,

Литература и искусство

«СТАЛИНГРАДЦЫ»

В темноте слышен глухой разрыв снаряда. Так возникает в Центральном театре Красной Армии спектакль «Сталинградцы».

Заслуженный артист РСФСР А. Хохлов в роли командующего армией Дыбина.

Перед зрителем, проходят картины героических подвигов тех, кто в дни легендарной битвы за волжскую твердыню «стоял из-за смерть», выстоял и разгромил врага.

С высокого правого берега у домика бакенщика (артист В. Ратомский) в туманной дымке виден спокойный волжский простор. Это спокойствие нарушается грохотом немецких бомб. Женщины, дети, старики, больные стремятся переплыть на левый берег, уйти от врага.

Багровое небо полыхает огнём пожаров. По ту сторону великой русской реки трагическая панорама пылающих домов Сталинграда. Тогда, в этот ад, под обстрел, стремятся попасть тысячи людей, бойцы дивизии полковника Климова. Многие

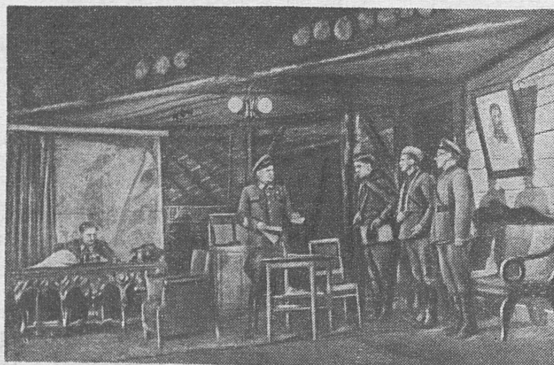
Заслуженный артист РСФСР А. Хованский в роли начальника штаба армии Лаврова (слева) и заслуженный деятель искусства Г. Васильев в роли полковника Климова.

Фото Б. Фабисовича

страшно, но они полны ненависти к врагу, и это придает им мужество и силы. Они знают, что городу нужны бойцы, боеприпасы, продукты.

Полуразрушенный бомбёжкой дом. Горсточка советских бойцов, отрезанных от своей дивизии, ведёт жестокий бой с гитлеровцами. Отважно сражаются советские люди, верные сыны родины: охотник из сибирской тайги снайпер Кудров (заслуженный артист П. Константинов), черноморский моряк Яшка Бубен (заслуженный артист В. Пестовский), узбек Фатах (Р. Ракиитин).

Немцы подсылают к командиру дивизии полковнику Климову фальшивый приказ об отступлении. Но «выполняя» этот приказ,

Сцена из пьесы «Сталинградцы»: в блиндаже командарма Дыбина.

Климов умудряется не только удержаться на своих позициях, но даже продвигаться вперёд. Волевым и энергичным, изобретательным и отважным командиром и человеком рисует

полковника Климова заслуженный деятель искусств Г. Васильев.

Образы командиров, военное умение и размах стратегической мысли которых помогли сталинградцам выстоять, а затем одержать победу, прекрасно передали заслуженные артисты РСФСР А. Хохлов (командарм Дыбин) и А. Хованский (начальник штаба Лавров).

И вот на фоне покрытых сверкающим снегом развалин города-героя бредут по нурные фигуры пленных фрицев — таков апофеоз спектакля «Сталинградцы».

Предельно простым, правдивым отражением жизни получился поставленный народным артистом РСФСР, лауреатом Сталинской премии А. Поповым, спектакль о живых людях сталинградской эпопеи. Именно только тот, кто сам пережил, почувствовал эти события, дышал этой атмосферой, сам видел этих мужественных и стойких людей, мог написать такую пьесу. Неслучайно автор пьесы капитан Юлий Чепурин, чью грудь украшают ленточки боевого ордена и медали «За оборону Сталинграда», — не только очевидец, но и участник боёв.

«СКАЗАНИЕ О БИТВЕ ЗА РУССКУЮ ЗЕМЛЮ»

Оратория Ю. А. Шапорина

Город Тбилиси. Летом и осенью 1942 года среди коренных жителей горной столицы Кавказа можно было встретить многих москвичей. Группа виднейших деятелей искусства столицы: артисты, профессора Московской консерватории, композиторы — проводила здесь часы и дни вынужденной эвакуации.

Как ни томительно проходило время вдали от привычных мест родной Москвы, каждый старался «не потерять себя» и «работать, работать и работать».

Лауреат Сталинской премии Ю. А. Шапорин.

Тогда же у композитора Юрия Шапорина, когда радио Тбилиси приносило ежедневные вести о славной обороне Сталинграда, возник замысел «Сказания о битве за русскую землю», будущей монументальной оратории для солистов, хора и оркестра.

Героическая защита города Сталина послужила творческим стимулом композитору в создании произведения о подвиге земли русской; историческая битва за Сталинград, развеявшая миф о непобедимости немецко-фашистских орд, определила конечный план композиции оратории.

В оратории нет исторических событий, исторических героев Великой отечественной войны. И вместе с тем в ней есть всё главное, характерное, что раскрылось в советском человеке в грозные дни величайшей борьбы, которую когда-либо знал мир.

Сюжета в точном смысле слова «Сказание» не имеет. Его заменяет цепь картин, образов, которые в логической последовательности образуют целостное художественное произведение.

Прекрасным образом весны, цветения родной природы открывается «Сказание». Светлая музыка хора, мягкий лирический речитатив солиста-тенора, старика — символа народной мудрости — воссоздают образ отчизны.

Настроение «света и тишины» внезапно прерывает образ стихии войны, мастерски разработанный композитором в большом оркестровом номере с хоровыми эпизодами.

На слёзы и плач женщин старик отвечает призывом к старым и малым взяться за оружие. Далее в оратории следует несколько номеров, посвящённых образам Красной Армии: «Сторона-сторонюшка» — песня красноармейцев, «Письмо к другу» — ария воина, «Баллада о партизанах».

Этим исчерпывается первая часть оратории. Вторая — рассказывает о враге, пришедшем на родную землю, о матери, зовущей своих сыновей вернуть свободу родные, о великом сражении на волжском берегу.

«В этот час, когда трубят победные
Золотую весть над землёю трубят,
Вспомним наших ратных товарищей,
Что в безбрежных степях под холмами лежат».

Таковыми словами начинается «Надгробное слово» старика, посвящённое павшим героям, за которым следует хор, воздающий им вечную память и вечную славу.

Здесь композитор с большой силой художественной правды высказал свою мысль, выраженную им в следующих словах: «Думая о героях войны, павших смертью храбрых, мне хочется петь им славу».

Своеобразным развитием этой мысли явились два, заключающих номера произведения: «Клятва» — слово живых у могилы павших о мести врагу — и финал, возвращающий к теме первого номера оратории, образу цветения родных садов, — символу возрождения жизни.

Тема сражения за Сталинград приобрела в «Сказании» черты национальной эпопеи о битве за русскую землю, непобедимости и славе её народов.

А. Иконников.

Т. Кулаковская

В живописном селе Палех, расположенном в холмистой местности, в семье крестьянина-живописца, родился в 1892 году будущий известный художник — Павел Корин.

Около трёхсот лет занималась иконописным искусством семья Коринных. В одиннадцать лет Павел Корин был отдан учиться иконописному мастерству. К шестнадцати годам в совершенстве овладел этим трудным искусством. Но молодой художник мечтает о Москве. В 1908 году он едет туда и несколько лет работает в большой иконописной мастерской наряду с другими мастерами — палешанами и мстеричами.

В свободные часы посещает он Третьяковскую галерею, изучает работы прославленных русских художников, по фотографиям зна-

ше живописи, ваяния и зодчества, откуда шли в те годы новые веяния в искусстве, где преподавали тогда С. Малютин, К. Коровин, А. Архипов и др.

Но Корин не увлекается новейшими живописными исканиями; ответа на волнующие его вопросы он ищет у великих мастеров прошлого, в библиотеках перебирает утраченные, посвященные гениям мировой живописи. Особенно внимательно изучает он работы великого русского живописца Александра Иванова, восхищаясь чистотой формы и пластичностью этого превосходного мастера.

В течение трёх лет после окончания Училища живописи работает он в анатомическом театре Московского университета, изучая строение человеческого тела, за-

Павел Корин в своей мастерской у левой части триптиха «Северная легенда».

Фото Б. Игнатовича

комится с работами старых европейских мастеров, рисует с гипсов, подвергаясь насмешкам старых иконописцев. «Ишь, мальчишка-то хочет Репина сделать», — говорили они.

В 1911 году произошло событие, сыгравшее большую роль в творческой жизни художника: он встретился с известным русским живописцем Михаилом Нестеровым. С первого дня встречи началась тридцатилетняя дружба Павла Корина с его учителем и другом, как он всегда называет Нестерова. По совету Нестерова юноша поступил в Московское учили-

ще живописи, ваяния и зодчества, откуда шли в те годы новые веяния в искусстве, где преподавали тогда С. Малютин, К. Коровин, А. Архипов и др.

Только в 1929 году он начинает работу над большой картиной, для которой имеет с натуры этюды, названные Максимом Горьким «Уходящая Русь».

Знакомство Корина с Максимом Горьким состоялось 10 сентября 1931 года. Художник вспоминает: «Ровно в 10 часов утра в мою мастерскую, а вернее чердак на шестом этаже, постучали. Без всякого предупреждения ко мне приехал Горький. С трудом, задыхаясь, тогда уже больной, писатель поднялся в мою мастерскую. Он

«Александр Невский» (центральная часть триптиха). Работа Павла Корина.

попросил показать этюды к задуманной картине. После просмотра он подошёл ко мне, пожал мне руку и сказал: «Отлично! Вы — художник. Вам есть что сказать. Послушайте! Вам надо посмотреть великих мастеров, надо поехать в Италию».

Через месяц я был в Италии. Так начались мои встречи с великим русским писателем, не прекращавшиеся до самой его смерти. Я жил у Горького в Сорренто, Горках и Тессели, сделал с него очень много натуральных зарисовок, которые хранятся в музее имени Горького в Москве.

В 1931 году художник едет за границу. Он объехал всю Италию — от Милана до Сицилии, — жил и работал в Риме, был во Франции.

По приезде в Москву Корин продолжает писать свои этюды к картине. Горький следит за работой художника, проявляет к нему большое внимание и заботливость. По инициативе Горького Корин строит свою мастерскую близ Новодевичьего монастыря. И Горький частенько туда заезжает. Неизменно он повторяет Корину: «Вы должны написать задуманное».

Громадное внимание уделяет художник изучению древнерусского искусства. Он побывал в Новгороде, Пскове, Киеве, Старой Ладобе и других центрах древнего русского искусства.

Творческую работу Корин сочетает с деятельностью художника-реставратора. Он возглавляет реставрационные мастерские в Музее изобразительных искусств имени Пушкина в Москве, ведёт большую работу в реставрационной мастерской Государственной Третьяковской галереи.

В декабре 1941 года художник принял на себя руководство бригадой живописцев по восстановлению живописи плафонов зрительного зала и фойе Большого театра в Москве, пострадав-

Литература и искусство

ЖЕНЩИНЫ ЛЕНИНГРАДА

На витринах книжных магазинов Ленинграда появилась новая книга. Называется она «Женщины города Ленина»¹. Это сборник рассказов, очерков и стихотворений о борьбе и работе ленинградонок в суровые дни вражеской блокады. В героической обороне Ленинграда женщины играли выдающуюся роль. Об этом хорошо сказала Вера Инбер в стихотворении, посвящённом женщине-ленинградке:

«Душою Ленинграда ты была,
Его великой материнской силой,
Которую ничто не подкосило».

В книгу вошло более 40 произведений ленинградских авторов — Н. Тихонова, А. Прокофьева, В. Кетлинской, О. Берггольц и др. Первый раздел посвящён женщинам, заменившим своих мужей, отцов и братьев на производстве, транспорте, торфо- и лесозаготовках, второй называется «Враг не пройдёт!», третий — «В боях за родной город», четвёртый — «Все силы и таланты — на службу родине», пятый — «Заботливая хозяйка, милосердная сестра».

Наряду с рассказами и очерками в сборнике опубликованы историческое обращение от 21 августа 1941 года ко всем трудящимся города Ленина, подписанное товарищами К. Ворошиловым, А. Ждановым и П. Попковым, дружеская переписка ленинградонок с женщинами Великобритании, а также письма ленинградских женщин на фронт и в тыл.

Книга богато иллюстрирована ленинградскими художниками.

Н. В.

1 «Женщина города Ленина». Ленинград. 1944.

шего от фашистской бомбардировки.

Корин создал интересную портретную галерею деятелей советской культуры; среди них портреты художника Нестерова, артистов Л. Леонидова и В. Ка-

на дана в форме триптиха. Его центральная часть изображает великого русского полководца Александра Невского. С мечом в руках стоит он на защите родной русской земли, её лесов, рек и храмов новгородских.

Левое крыло триптиха на-

Портрет академика Н. Ф. Гамалея.

Работа Павла Корина

чала, академика Гамалея и ряд других.

Выразительность, чёткая композиция, прекрасный рисунок, тонкая и сдержанная цветовая гамма — всё это делает работы Корина глубокими индивидуальными, запоминающимися.

Новая работа художника — портрет пианиста Игумнова — привлекла всеобщее внимание на выставке «Героический фронт и тыл».

На той же выставке экспонировано новое большое полотно Корина. Карти-

зывает он «Северной легендой», правому даёт название «Сказительница».

Грезятся художнику эпические русские сказки, воздымают в памяти древние песни и легенды о русском воинстве. Образы древнего народного эпоса воплощает он в своих полотнах.

Своеобразны жизненный путь и художественная биография Павла Корина, необычен его живописный язык, оригинален творческий облик.

Ж. Каганская

Почта старшего лейтенанта Субботина

Мих. Златогоров

Стихотворение было озаглавлено: «Будущей подруге». Вот строчки, записанные в сердца многих:

«Я тебя не знаю,
Но в часы досуга
О тебе танкистам
Часто говорю:
— У меня, ребята,
Тоже есть подруга,
Только неизвестно,
Кто, в каком краю.

Может быть, на фронте,
Как и я, воюет,
Может быть, снаряды
Точит у станка...
Где-то есть — и тоже
Обо мне тоскует,
Тоже проклинает
Лютого врага.

Проклинать и надо:
Это он заставил
Под открытым небом
Ночевать людей;
Это он, убийца,
За собой оставил
След, политый кровью
Наших матерей.

Милая подруга,
Извергов-фашистов
Я за это буду
Беспошадно бить.
И в часы досуга
Меж друзей-танкистов
О тебе, как прежде,
Часто говорить.

Только ты, прошу я,
Хоть в пяти словечках —
Ласковых, хороших —
Напиши ответ:
Мол, живу я там-то,
Занимаюсь тем-то,
Пожелай удачи,
Передай привет.

Вот и всё. На этом
Я писать кончаю...

Через час атака —
Дронет оккупант.
Здравия желаю,
С пламенным приветом

Николай Субботин,
старший лейтенант.

Это волнующее поэтическое письмо было написано молодым офицером под накатом фронтовой землянки в перерыве между боями. Друзья посоветовали Николаю Субботину послать стихи в Москву, в Радиоцентр. Так и было сделано. И вскоре привычные слова фронтовика, обращенные к советским девушкам, прозвучали в эфире.

В адрес полевой почты 83263 начали ежедневно прибывать письма на имя Субботина. Сначала приходило по 10—15 писем. Это отвечала пока одна Москва. Потом поток корреспонденции стал шириться, как ручей во время паводка. Треугольники, открытки, секретки посыпались со всех концов страны. В день прибывало уже по 30—40—50 писем. Писали из Горького и Астрахани, из Винницы и Алма-Аты. Откликнулись Урал и Сибирь. 3 тысячи писем уже громоздились на столе в блиндаже Субботина. Школьницы, работницы, студентки, трактористки, сельские учительницы — сотни и сотни девушек Советской страны нашли время, чтобы написать «неизвестному, но дорогому защитнику Родины».

Вот перед нами пруда листков, испещренных неизвестными почерками, различными, как характеры людей. Николай Субботин бережно разглаживает листки, складывает их вместе. Эти письма принесли столько радости и ему и его друзьям.

«Дорогой товарищ Субботин! — пишет Мария К. из Уфы. — Пришла сегодня домой усталая, разбитая и только хотела лечь спать — начали передавать по радио письма с фронта. Меня очень взволновало Ваше письмо в стихах, и я решила написать

Вам. Мы, женщины и девушки тыла, гордимся Вами, гордимся тем, что нашими бойцами, нашими смелыми соколами достигнуты такие замечательные победы. Сейчас в тылу на многих предприятиях работают исключительно женщины... Я по специальности педагог, но сейчас работаю на одном сборном заводе... Желало Вам, дорогой товарищ Субботин, успеха в Вашей боевой жизни, желаю благополучно вернуться домой, где Вас ждут родные и друзья. Приезжайте и к нам, в нашу солнечную Башкирию...»

Рая Ш. из Татарии говорит о причине, побудившей её написать письмо:

«...Вероятно, не одна девушка, так же, как я, не вдыхает в эту минуту ночную прохладу в аллее парка, не сидит в театральной ложе и не слушает оперу, а, склонившись над листом бумаги, вкладывает мысли свои в такое же — неожиданное для Вас — письмо, ибо в интересах любой советской девушки принести какую-нибудь отраду воину в час перед горячим боем».

От письма московской студентки Наташи К. веет задушевым теплом:

«...В Москве сейчас очень хорошие весенние дни — светлые, солнечные. Настроение приподнятое и бодрое — ведь и на фронте так хорошо идут дела. Хочется тысячу раз пожелать Вам, милый Николай Субботин, так много хорошего, таких успехов, что просто и не выразить этого. Пока желаю Вам самое главное — будьте здоровы и веселы».

А вот весточка из Сталинграда:

«Здравствуй, дорогой фронтовик, шлю Вам свой горячий привет и массу наилучших пожеланий в Вашей боевой жизни. Ваш адрес я узнала случайно по радио и решила написать Вам письмо. Я приехала из Чкалова на восстановление города-героя. Полуразрушенные, израненные осколками мин и снарядов стены напоминают о том, как здесь сражались наши отцы и братья, отстаивая каждую пядь земли. И когда на всё это посмотришь, что наделали изверги-немцы, хочется ещё больше трудиться для того, чтобы быстрее поднять город Сталинград...»

В девичьих письмах раскрывается целый мир. Мы узнаём, чем заполнены дни наших сестёр и подруг, каковы их заветные мечты и думы. Рита Г. строит в Киргизии оборонный завод. Елена М. руководит фронтовой бригадой двухсотниц. Две подруги со школьной скамьи — Ирина О. и Майя Л. — работают в артели, где шьют погоны для вас, фронтовиков, а вечером спешат на курсы медицинских сестёр. Школьница Ксения К. из города Павловска, Воронежской области, с гордостью сообщает, что их школа собрала 7 тысяч рублей на постройку танка «Народный учитель», за что получила благодарность от товарища Сталина.

Наши девушки горячо мечтают о будущем.

«...Знаете, товарищ Субботин, — пишет учительница Мария Н., — я часто думаю о том времени, когда наша земля будет очищена от всякой погань, когда начнём строить новые заводы, новые красивые дома, выращивать сады, парки и вместе с этим начнём строить и нашу жизнь. Я уверена, что она будет ещё красивее, ещё лучше, чем раньше, потому что всё, что достигается трудом, ценою испытаний, — всё это дорого, всё особенно ценно. Мне очень хотелось пойти на фронт, я завидую своей сестре-фронтовичке, но моя специальность невоенная, а притом я должна воспитывать детей, родители которых защищают нас. Но если будет нужно, если потребует родина, я стану в ряды бойцов. Стрелять я умею метко».

Есть в этих письмах такие строки, которые никого не оставят равнодушным. Семнадцатилетняя Зоя П. делает приписку к своему письму:

«Я прошу Вас: отомстите фрицам за смерть моего отца (он погиб у Харькова) и за мою любимую подругу Тамару (её немцы из Полтавы угнали на каторгу в Германию)».

Молодая вдова Ирина Г. с болью вспоминает о погибшем на фронте муже. Она пишет стихами:

«Дрался он хоть мало, но очень хорошо,
И блеснул уж орден на груди его.
Вот пишу тебе я — сердцем,
не рукой, —
Выполни, пожалуйста, мой наказ такой:
Бей фашистских гадов, бей их до конца,
Бей ты их за мужа, бей их за отца».

Вот ещё одно письмо. Оно потрясает до глубины души. Написала его москвичка Нелли С.:

«Я так же, как и Вы, товарищ Субботин, была фронтовиком; шесть раз была ранена и три раза отмечена правительством, а теперь я дома, в своей родной семье, в Москве. Больше уже на фронт не смогу поехать: по чистой освободили; но я надеюсь, что есть у меня друзья, которые отомстят за пролитую мною кровь, за молодую жизнь, искалеченную настолько, что уж нет больше на моём теле здорового места. Я надеюсь, что Вы и Ваши друзья постараетесь, а я Вам помогу в тылу...»

Сколько высокого благородства в этом письме патриотки! Какая неизъяснимая душевная красота сквозит в каждом её слове! И таково огромное большинство наших русских девушек, верных дочерей Родины.

Письма девушек адресованы старшему лейтенанту Николаю Субботину, но вместе с тем они обращены к каждому воину Красной Армии. Ибо в каждом воине девушка нашей страны видит своего защитника, своего смелого рыцаря, который с победой вернётся домой, после того как добьёт фашистского зверя в его берлоге.

ПАМЯТНИК ГЕРОИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Николай Воронов

Ленинград ещё был городом-фронтом. Немецкие варвары яростно обстреливали городские кварталы из дальноточных орудий. Рушились стены домов, больницы, школы. Камни улиц и проспектов обгадывались кровью мирных людей.

В эти дни начались работы по созданию выставки «Героическая оборона Ленинграда».

Прошли четыре месяца, и в канун первого мая выставка была готова. Она открылась в освобождённом от блокады, победившем Ленинграде.

Старое, пострадавшее от вражеских обстрелов здание преобразилось, помолодело. В его многочисленных залах, комнатах и коридорах разместились десять тысяч экспонатов, начиная со спичечной книжечки, сделанной в блокированном Ленинграде, и кончая гигантским самолётом, бомбившим Берлин. Экспозиционная площадь выставки — около десяти тысяч квадратных метров — значительно превосходит советский павильон на международной Парижской выставке 1937 года.

Путешествие по залам длится несколько часов. Но ни у кого не видно и тени усталости. Гигантская картина ленинградской эпопеи с каждым шагом развёртывается всё шире и увлекательнее. Споро, спокойно, немигновенно повествует выставка о том, как город русской славы по зову Сталина поднялся во весь богатейший рост, грудью встретил удар вероломного врага, выдержал тяжелейшие испытания и победил в суровой борьбе.

Выставку открывает отдел «Ленинград — крупнейший промышленный военный и культурный центр СССР». Следующие отделы посвящены основным этапам ленинградской эпопеи: «Ленинград в первые дни Отечественной войны», «Борьба на дальних подступах к Ленинграду», «Борьба на ближних подступах к Ленинграду», «Ленинград в период голодной блокады», «Период ликвидации последствий голодной зимы и превращение Ленинграда в военный город», «Прорыв блокады Ленинграда», «Год коренного перелома в Отечественной войне», «Партизанская война в Ленинградской области в 1941—1944 годах». Завершают выставку залы, посвящённые великой победе советских войск под Ленинградом.

На выставке много ярких, незабываемых экспонатов. Панно, картины, портреты, скульптуры, макеты, карты, созданные по горячим следам событий. Все они повествуют о подвигах ленинградцев, воинов Ленинградского фронта и краснознамённой Балтики.

На выставке «Героическая оборона Ленинграда» Панорама боёв за освобождение Ленинграда от блокады.

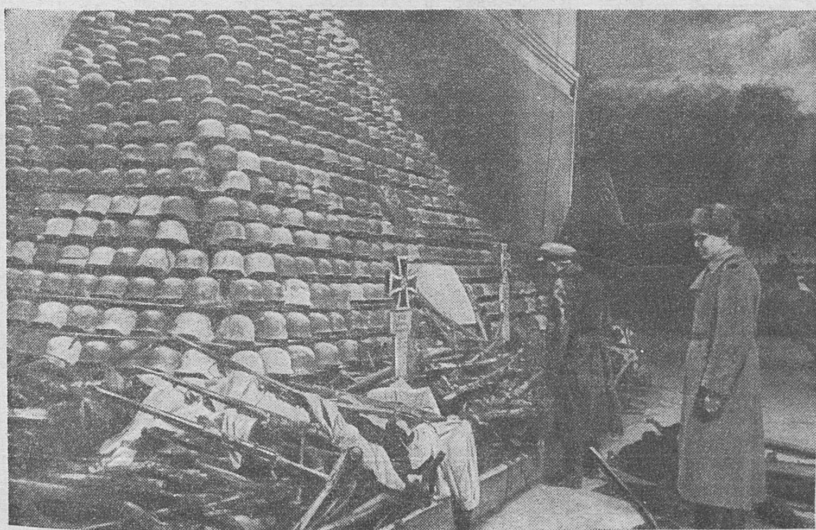
С волнением останавливаются люди перед портретом товарища Сталина на фоне Кремля, озарённого огнями салюта (художник — Серов), перед бюстом руководителя ленинградских большевиков товарища Жданова (скульптор — Пинчук), перед огромными панно художников Серова и Казанцева, изображающими наступление наших войск в исторический день 14 января 1944 года и танковый бой. Глубокое впечатление производят скульптура Исаевой и Стрекавина, изображающая литейщик-ленинградок, льющая в опоки огненную струю металла, картина художника-фронтовика Савинова, воспроизводящая штурм берега Невы во время прорыва вражеской блокады Ленинграда, радиофицированная панорама художников Жакова и Цепалина «Артиллерийский обстрел города».

Большое место на выставке занимают цифры, звучащие с эпической силой: 500 тысяч ленинградцев на строительстве оборонительных сооружений, 110 тысяч ленинградцев, вступивших за 8 дней в армию народного ополчения, 70% коммунистов и 90% комсомольцев Ленинграда, с оружием в руках отстаивавших город. Ничто не могло поколебать мужества и стойкости ленинградцев. Только с сентября по декабрь 1941 года немцы сбросили на город 100 тысяч зажигательных и 3500 фугасных бомб. За 28 месяцев осады немцы выпустили по Ленинграду 150 тысяч тяжёлых снарядов. За 32 месяца партизаны и партизанки Ленинградской области уничтожили 104 тысячи гитлеровцев, вывели из строя 1050 паровозов и более 18 тысяч вагонов, платформ и цистерн...

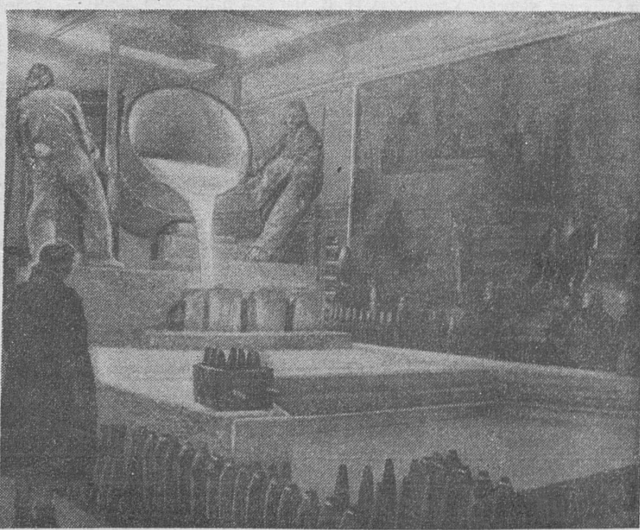
В трофейном зале между пленёнными «пантерами», «тиграми», дальноточными орудиями, обстреливавшими Ленинград, и прочей вражеской техникой висит холм простреленных и измятых немецких касок, напоминающий известную картину Верещагина. Тут же табличка итоговых цифр. Это потери немцев под Ленинградом: 600 тысяч убитыми, ранеными и пленными, 1642 танка, 3144 самолёта, 3644 орудия, 5873 миномёта... Хорошие, убедительные цифры!

Заключительные залы выставки посвящены великой победе советских войск под Ленинградом. Стены зал украшены гвардейскими лентами и орденами Советского Союза. В центральном зале висит величественная скульптура Сталина (работа лауреата Сталинской премии Боголюбова). Статую окружают боевые реликвии — наша собственная боевая техника, особо отличившаяся в битве за Ленинград. Самолёт дважды Героя Советского Союза Покрышева. Лично и в группе он сбил 30 вражеских самолётов. Самолёт Балтийского асса Героя Советского Союза Костылёва, уничтожившего 42 вражеских самолёта. Орудие, сбившее 7 самолётов противника. Катер «Морской охотник», потопивший 6 вражеских боевых кораблей...

Огромное панно завершает выставку. На нём дорогой сердцу каждого русского человека ленинградский пейзаж: Нева, мосты, шпиль Петропавловской крепости... В небе горят многоцветные огни ракет. Ленинград салютует доблестным войскам, салютует победе.

Гора простреленных и измятых немецких касок в зале трофеев, взятых нашими войсками в февральских боях 1944 года.

Отдел «Ленинградская промышленность в годы Отечественной войны». Скульптуры ленинградок-литейщиц.

СПОРТ

ФУТБОЛЬНЫЙ МАТЧ ЧЕМПИОНОВ

На футбольном матче мастеров встретились на Черкизовском стадионе (Москва) два чемпиона прошлогодней московской футбольной страды: победитель первенства столицы команда ЦДКА и обладатель кубка Москвы — команда Автозавода имени Сталина, защищающая спортивные места союзного общества «Торпедо».

Пятнадцать тысяч москвичей собрались на стадионе. На вместительных трибунах футбольные «старожилы» увидели многих своих друзей — игроков, судей и тренеров — с орденами на военных кителях, в шинелях с солдатскими и офицерскими погонами. Но как ни радостны были встречи москвичей-спортсменов с фронтовиками, звонкая трель свистка судьи Латышева, вызвавшая команды на открытые позиции предстоящего сражения, оборвала задуманные беседы.

Команда «торпедовцев» была усилена двумя первоклассными игроками — Проворновым и Яковлевым, — команда ЦДКА была обновлена левым краем — Дёминым.

«Торпедо» расставила своих игроков так: вратарь — Разумовский, защитники — Машкаркин и Ремин, хавы —

Футбольный матч между командами ЦДКА — «Спартак». Момент игры у ворот «Спартака».

Фото Н. Волкова

Морозов, Загребский, Ильин, нападающие — В. Жарков, Проворнов, Пономарёв (капитан), Г. Жарков и Яковлев.

Команда ЦДКА вышла на поле в составе вратаря Никанорова, беков — Калинин и Базового, полузащитников — Шлычкова, Яковского и Виноградова, форвардов — Дёмина, Щербатенко, Григория Федотова (капитан), Бабича и Гринина.

Первый гол был забит на одиннадцатой минуте. Энергично игравший Дёмин пу-

стил сильный «шут» в правый угол ворот. Разумовский, падая, успел схватить мяч, но тот вырвался и рикошетом прыгнул в сетку. Через 12 минут Федотов дал пассив Дёмину. Но левому краю помешал ударить по мячу защитник Машкаркин. Подоспевший Бабич всё-таки забил гол.

Счёт 2:0.

Удачный старт команды ЦДКА не смутил профессиональную команду. Не прошло и трёх минут, как игра приняла совсем иной характер. С подачи Проворнова Ва-

сий Жарков послал мяч в ворота. Потом сам Проворнов дал большой «шут». На счёте 2:2 был переворот.

Второй тайм начался с обоюдных атак. Отлично тренированные команды играют в гросмейстерском стиле. Острые моменты чередуются то у одних, то у других ворот. На двенадцатой минуте капитан «торпедовцев» решил, что наступил как раз подходящий момент, чтобы с 30-метровой дистанции пустить на метровой высоте туго накатен-

ный шар в открытую пасть ворот. Вратарь Никаноров даже не пошевелился — так стремителен был полёт мяча.

3:2! Забушевали азартно шумные трибуны. Не прекращающиеся атаки «торпедовцев» прижимают противника к его воротам. На 19-й минуте — «пенальти» на штрафной площадке ЦДКА. Пономарёв забивает четвёртый гол.

За 15 минут до конца матча счёт изменился: 4:3. Этот результат в пользу команды «Торпедо» остался до конца интересного матча.

Платон Ипполитов, заслуженный мастер спорта

18-я эстафета по кольцу «Б» в Москве. Финиширует Комаров («Динамо»).

Фото Н. Волкова

СТО ЛЕТ НАЗАД

(По страницам русской печати за 1844 год)

«В Английских газетах напечатано объявление о выходе перевода романа г-на Лажечникова «Басурман». Г. Шоу, издававший в прошлом году вместе с г. Варрандом «S.-Petersburgh English Review», взял на себя прекрасный труд знакомить Английскую публику с Русскою литературой. В прошлом году мы читали его перевод повести Марлинского «Аммалат-Бек» и беглый исторический очерк Русской поэзии. Приятно видеть такую благодарность за Русское гостеприимство, а выбор романа Лажечникова делает честь эстетическому вкусу переводчика» («Московские Ведомости» № 15).

«Любители музыки с удовольствием узнают о прибытии в Москву чешского пианиста И. В. Чапека, у которого дошли сюда самые благоприятные отзывы, сперва из Варшавы, потом из Вены, в прошлом году из Вильно и наконец из Киева, где г. Чапек явился в одно время с г. Оманом у него в концерте. В бытность его в Вене, тамошняя Музыкальная Газета приветствовала славянского художника громкими похвалами, тем более для него лестными, что сам Лист подтвердил их и изустно и письменно; этого мало, желая отдать всю справедливость не только исполнителю, но и композиторскому таланту г-на Чапека, Лист играл сочинения его в своих собственных концертах» («Московские Ведомости» № 24).

«Спешим известить любителей музыки, что в музыкальных магазинах в Москве и С.-Петербурге принимается подписка на имеющие издаваться в Москве с 1844 года «Сочинения А. Алябьева».

Мы твердо уверены, что многочисленные почитатели любимого нашего композитора с искренним удовольствием узнают о предприятии г. Алябьева. Талант его снискал всеобщую — и правду сказать — заслуженную известность. Многие из первоклассных артистов Европы пользовались произведениями Алябьева, а его «Соловей» долго и долго будет восхищать любителей изящного» («Репертуар и Пантеон». Книга первая).

НАУКА И ТЕХНИКА

ЖИВОЙ ПРИБОР

Можно ли при помощи маленькой веточки, напоминающей по форме латинскую букву игрек, обнаружить в земле электрические кабели, воду, металлы?

Наука отвечает на этот вопрос утвердительно. «Волшебная палочка» вместе с человеком, обладающим способностью пользоваться ею, рассматривается как тончайший физический прибор, могущий иметь большое практическое применение. Эта проблема разработана советскими специалистами — кандидатом технических наук Б. М. Тареевым и инженером Е. В. Симоновым. Они начали с выяснения: кто же обладает способностью работать с палочкой?

Французские учёные, занимавшиеся этим вопросом, — во Франции поиски воды при помощи «волшебной палочки» весьма распространённое явление — утверждали, что весь секрет в постоянном упражнении. Тареев и Симонов провели опыты над сотней людей — сотрудниками одного научно-исследовательского института и красно-

армейцами. Оказалось, что лишь у трёх из них палочка «оживала» и указывала воду и силовой электрический кабель...

Для получения «волшебной палочки» с любого дерева срезается веточка в виде вилки. Острые вилки берут в обе руки, а третий конец держат параллельно земле: он играет роль стрелки измерительного прибора и приходит в движение, когда веточка находится вблизи воды или подземного электрического кабеля.

Колебания палочки, несомненно, вызываются электрическими явлениями, так как резиновые перчатки совершенно уничтожают способность палочки «чувствовать», что творится под землёй.

Скорость, с которой движется человек, не имеет значения — он может стоять или ехать на автомашине, — если это будет происходить вблизи объекта поисков, палочка приходит в движение. Основную роль играет положение по отношению к водотоку или кабелю: «живой искатель» должен смотреть вдоль кабеля или

водотока. Если повернуться спиной, палочка, поднимавшаяся только что вверх, теперь будет опускаться — такой поворот равносильно переключению полюсов у прибора постоянного тока. Если же стать боком, палочка перестанет реагировать. Интересно, что действие «волшебной палочки» длится только два — три дня после срезания с дерева.

Человек, решивший испытать, не обладает ли он способностью обнаруживать воду для рытья колодцев и различные подземные электросооружения, должен начать опыты в местах, где ему заранее известно расположение кабеля или водопроводных труб. Освоившись с поведением палочки, можно перейти уже к настоящему поиску. С помощью палочки находят место повреждения электрических кабелей, обнаруживают воду, ещё никем не «пойманную» или уже заключённую в трубы, электрокабели, направление которых неизвестно.

Инженер А. Морозов

Ответственный редактор М. ДОБРЫНИН.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

А5199.

2½ печ. л.

Подписано к печати 26/VI—44 г.

Изд. № 376.

Тираж 100 000.

Заказ № 1308.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

